

Татьяна Веденская

ПЛОХИЕ
ДЕВОЧКИ

Татьяна Веденская

Плохие девочки

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937855

Веденская Т. Плохие девочки : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57831-3

Аннотация

Жили-были подружки. Не были они ни плохими, ни хорошими – самыми обычными девчонками под тридцать. Почти у каждой – семья. Или мечта о ней. И так получилось, что в стремлении построить (или перестроить) так называемую ячейку общества одна из девушек позарилась на супруга своей подруги. Давно известный постулат «Подругино – не трожь!» был отодвинут в сторону без опаски, без сожаления, а с радостью. Еще бы, ведь и муж, и семья, и материальное благополучие, короче – весь уклад жизни прекрасной Марлены многим не давал покоя, вызывая зависть и раздражение. Как быть той, которую предали дважды? Как быть той, кто разрушила жизнь близких? Как быть подругам, в стане которых такое ЧП?

Содержание

Глава 1,	4
Глава 2,	21
Глава 3,	43
Глава 4,	60
Глава 5,	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Татьяна Введенская

Плохие девочки

Что будет, если в одном месте собрать больше четырех женщин одновременно? Либо скандал, либо потрясающая вечеринка. А скорее всего, и то, и другое сразу!

Глава 1, где нас всех будоражит пренеприятное известие

Если вам звонит Бася, да еще с утра, да еще с утра в воскресенье – это точно плохая примета. Это не к добру. Даже если Бася звонит вечером вторника – хорошего ждать не стоит. Бася – она как тот самый вестник, что приносит плохие вести. Приносить хорошие ей скучно, ибо в хорошей новости нет никакого перца. Так что Бася активизируется, только когда на ее хвосте налипла плохая весть. Только почему-то ее еще никто не убил. Все боятся связываться. Бася – она как стихийное бедствие. Ее лучше просто тихонько пересидеть в каком-нибудь надежном теплом подвале.

С другой стороны, Бася всегда будет держать вас в курсе. Если это для вас важно – держаться в курсе кучи, в об-

щем-то, совершенно для вас неважных и ненужных вещей, – то Бася – это именно то, что вам нужно. Она-то уж никогда не даст вам пропасть в неведении. Если где-то комар сдохнет, Бася и об этом узнает. И обязательно поставит вас в известность.

Вообще Бася не так страшна, как я ее малюю. Чего я, действительно, наговариваю на человека. Бася – яркая творческая натура, фонтан энергии и эмоций, вереница и караван историй. С Басей никогда не бывает скучно. Но если она звонит в воскресенье с утра, значит, что-то случилось. Но не думайте, что она вот так возьмет и все вам расскажет. Нет, она тоже хочет получить свой кайф. А то будет, как в плохом сексе – три минуты, и все. Отстрелялись, можно дальше смотреть кино, поставленное на паузу. Так что, если уж Бася позвонила, то с Басей без прелюдии не обойтись никак. Она звонит. Вы берете трубку. И она задает вопрос, отдающий идиотизмом:

– Галочка, это ты?

– Ну а ты, Бася, куда звонишь? Марлене? Номером ошиблась?

– Ты чего такая? – немедленно обижается она. – Я тебя отвлекаю?

– В воскресенье? В девять утра? Нет, что ты, – язвите вы. Впрочем, вы же не злитесь на самом деле. Ибо от чего такого вас, в самом деле, отвлекла Бася? Ведь сегодня же выходной. А что может быть хуже для матери, чем утро выходного дня?

Ребенок дома и вы тоже. Если бы хоть одного из вас не было – еще куда ни шло. А так – оба налицо. А детский садик, где хотя бы ребенка накормили вкусной и здоровой пищей, закрыт. Да еще и собака. А день впереди длинный. Завтрак, обед, ужин. Которые приготовлю я. Дочка будет плевать, собака будет намекать, что уж лучше жрать готовый сухой корм, а я буду чистить пригоревшие кастрюли. Так что я была готова пообщаться с Басей столько, сколько бы она ни пожелала. И задала правильный вопрос: – Что случилось?

– Да так... случилось кое-что, – ответила она, естественно, только нагоняя туману. – Даже не знаю, как сказать.

– Скажи прямо. Скажи как-нибудь.

– Слушай, такой вот вопрос, – моментально переключилась она. – Как ты думаешь, может, нам встретиться с девочками до Нового года?

– Зачем? Почему? – удивилась я. Обычно мы – вся наша компания, то есть Бася, я, Марлена, Карасик, Сухих и иногда Люська-Авенга – всегда встречались после Нового года. Всегда – это примерно пять последних лет. И я не видела никаких причин традицию менять. После Нового года не будет пробок, после Нового года всем будет нечего делать. После Нового года все ужасно устанут постоянно есть и есть, так что всем будет плевать, вкусный я испекла пирог или нет.

– Нет, ты просто скажи, ты в принципе не против?

– Но что случилось? Кто-то из девочек уезжает? Марлена все-таки решила умотать в Таиланд? – Марлена – самая вос-

питанная, тактичная и интеллигентная из нас – всегда справляла Новый год дома, но каждый год активно обсуждала возможность уехать справлять праздник где-нибудь далеко-далеко. И у таких упаднических настроений были свои причины. Все последние годы, с тех самых пор как Марлена со своей семьей переехала из небольшой квартирки на Остоженке в комфортабельный трехэтажный особняк в очень сильно ближнем Подмосковье, у нее с Новыми годами возникла неразрешимая проблема. Каждый год тридцать первого декабря на порог ее дома слетались родственники и друзья ее самой и особенно ее мужа Вани. Некоторые из вышеуказанных друзей и родственников заезжали вообще без предупреждения, говорили: «Мы не могли вас не поздравить. Мы только на пять минуточек забежали, по дороге. Перекинемся по рюмашке и поедем дальше». – После чего они доставали из багажников увесистые чемоданы, проникали внутрь дома и отказывались покидать периметр до тринадцатого января. После старого Нового года Марлена начинала демонстративно убирать свою большую, пушистую искусственную ель, и гостям ничего не оставалось, как все-таки уезжать.

В прошлом году Марлена рассказывала, как к Рождеству у них в доме не осталось из еды ничего, кроме консервов. Она сообщила группе товарищей, осевших в ее гостиной, о перебоях с продовольствием, так они – эти, с позволения сказать, товарищи, – только милосердно кивнули и сказали, что консервы – это тоже еда. За неимением ничего лучшего. И посо-

ветовали Марлене не переживать и тащить консервный нож.

Так что в том, чтобы Марлена решилась улететь от такого счастья за тридевять земель – хоть бы и в Таиланд, – я не видела ничего странного. Я бы тоже свихнулась, если бы мне пришлось принимать ораву гостей из двадцати человек. Я с ребенком и собакой-то плохо управляюсь. Впрочем, Марлена – она совсем не то, что я. Марлена – она как Мери Поппинс, как мисс Совершенство. Только миссис, конечно. Когда я бываю в Марленином доме, я тихо щурюсь от чистоты и небесно-яркого света. Ее тарелки сухи и стерильны, а бокалы расставлены по местам в сверкающей чистотой стеклянной витрине, ее дети ухожены, у них всегда подстрижены ногти, выглажены рубашки, вычищены ботинки. Ее муж ужинает, держа вилку в левой руке, а столовый нож в правой, не потому, что он в гостях или к ним приехали в гости приличные люди, а потому, что ему так действительно удобно. Марлениной жизнью был бы счастлив жить любой из нас. До того, как я познакомилась с ней, я и не знала, что жизнь может быть такой... размеренной, вкусной, красивой и беспечной. Во всяком случае, когда на нее смотришь, создается именно такое впечатление.

– Нет, Марлена тут ни при чем. Она остается здесь, хотя и не рада этому. Между прочим, ее то, *что случилось*, просто потрясло. – Тут Бася выдержала приличествующую моменту паузу, дав мне осознать, что то, *что случилось*, действительно серьезно. Что это не какая-то там сплетня о том, что

Арина Шарапова на самом деле – жутко толстая и красится так, словно надевает маску для Хеллоуина. Или что в ее доме чудесным образом исцелили кота – наложением рук. Все это – мелочи. А тут случилось что-то действительно потрясающее.

– Слушай, давай уже потряси и меня, – взмолилась я.

– Я думаю... надо встретиться, чтобы все обсудить и решить, что нам теперь делать, – сказала она, явно наслаждаясь моментом. Голос ее звучал торжественно и нетерпеливо одновременно. Было видно, что она уже близка к пику своего экстаза, но держится изо всех сил. Держать сплетню долго в себе Бася не умела и не могла.

– Я-то встретиться не против, – вздохнула я. – А когда вы хотите? У тебя же в декабре завал.

– У меня всегда завал, – строго поправила меня Бася. Она работала на телевидении. А все, кто работает на телевидении, почему-то существуют в постоянном режиме аврала и катастрофы. Так у них там, на телевидении, принято. Только через муки и подвиги рождаются наши сериалы, только через силу можно снять наши ток-шоу. Кстати, и выглядят они соответственно.

– Правда, придется печь пирог... ладно, придумаю что-то. Поищу рецепты в Интернете.

– Ты бы уже заканчивала свои эксперименты. Купи нам вишневый пай и все. Ты знаешь, что я люблю?

– Три вещи? – переспросила я. У Баси была дурацкая при-

вычка все время говорить про три вещи, из которых формировались ее предпочтения. Один пункт всегда был неизменен – мужчины с каким-нибудь именем. Остальные два варьировались.

– Три вещи, – согласилась Бася. – Мужчин по имени Сергей, правильно сложенные футболки, и когда ты ничего не печешь.

– Это уж слишком!

– Не надо бы тебе ничего печь. На людях твои пироги испытывать просто опасно, – перебила меня она.

– Знаешь что, Бася, говори, что случилось, или я вешаю трубку, – обиделась я. Вот так всегда, стараешься, стараешься, а тебе в душу плюют. Все же пекут – и ничего, кушают и нахваливают. А между прочим, тоже, бывает, что подгорает или не получается.

– Ладно, не злись. Хочешь – пеки. Меня ничем не возьмешь, у меня на съемках иногда таким кормят – любой здоровый человек просто сдохнет. Однажды снимали эпизод за праздничным столом. Помню, снимали часов пять. Вся еда под софитами протухла, особенно курица или какая-то еще тварь в центре стола. Крылатая. Воняла, как сволочь. А актерам надо было изображать восторг и жрать ее, тухлую. Нас тошнило даже от одного взгляда на них.

– Так будешь говорить или нет? – нахмурилась я. Долго – тоже плохо. Можно и весь запал потерять.

– Сухих увела мужа у знаешь кого? – наконец разродилась

Бася.

– Сухих? – вытаращилась я. – Анька Сухих? Наша Анька?

– Ну, я не знаю, насколько она теперь наша, – фыркнула

Бася.

– Что ты имеешь в виду?

– А то! Она у Карасика мужа увела. У Карасика! – повторила Бася, чтобы я уже не сомневалась. Но я так и застыла с открытым ртом около кастрюли с подгорающей (естественно) овсянкой. С открытым ртом, с открытой кастрюлей и с широко открытыми глазами. То, что я слышала, было просто каким-то бредом собачьим.

– Не может быть, – ахнула я. – Ты перепутала. Может, она своего политика все-таки увела у жены? Может... Ты вообще откуда это все взяла? Стас и Карасик – прекрасная пара. Что ты выдумываешь?!

– Я? Я выдумываю? Да что ты такое говоришь, я же чистую правду, – забурлила Бася со всей яростью возмущенной души. – Да я своими глазами видела! Ты дослушай, что случилось...

– Что? Что ты могла своими глазами увидеть? У тебя же близорукость, минус три или минус четыре? Сколько? – Я почти кричала, меня переполняли эмоции. Карасик, мой Карасик, моя любимая, лучшая подруга, с которой я дружила с самого детства, дружила дольше, чем себя помню, с которой я сидела за одной партой все десять лет. Сашка Карасик, которая столько раз утирала мои слезы и склеивала мое в оче-

редной раз использованное и поврежденное в процессе эксплуатации сердце. Да не может этого просто быть!

– Ты хочешь дослушать?

– Нет! – крикнула я. И бросила трубку. Хотя это, надо сказать, было глупо. Зачем надо отключать себя от первоисточника, если потом все равно придется все услышать из вторых уст. Потому что я, естественно, тут же перезвонила Марлене. Ей я могла бы еще хоть как-то поверить. Хотя... Стас и Карасик! Это же глупость какая-то. У них сын же! Она его так любит. Все терпит от него. Он же выпивает. Он же вообще-то у нее не ангел, это точно. Но и не подлец. Не мог он вот так. Или мог? Все-таки кто их, мужиков, разберет! Я перезвонила, хотя все еще было утро, было воскресенье, и Марлена тоже могла спать. Плевать. Впрочем, Марлена наверняка уже встала, надела какую-то красивую домашнюю одежду и приготовила завтрак – что-нибудь вкуснее горелой овсянки, которую моя дочь Эля ковыряла с отвращением, неодобрительно поглядывая на меня. И весь ее вид, взгляд ее карих очей был – «твою мать, что это?!». Я старалась не встречаться с ней глазами.

– Это правда? – я бросилась с места в карьер, не имея терпения на всякие там «привет», «как дела», «не отвлекаю». Марлена замолчала, повисла тяжелая мутная пауза. – Это правда? Бася сказала, что уже успела тебе сообщить. Может, она врет? Сколько раз бывало, несет и несет чушь.

– Это правда, – сказала Марлена с невыносимой печалью.

– Ты уверена? Бася же помело.

– Бася тут ни при чем. Ваня разговаривал со Стасом. Тот сам ему позвонил, просил помочь вещи забрать.

– Что? – я чуть не подавилась куском баранки, которую как-то незаметно для самой себя, чисто машинально засунула в рот. Вот так и набираются лишние килограммы.

– Ваня ему, конечно, отказал. Сказал, что занят. Это же наша подруга!

– Это две наши подруги, – уточнила я, заглотив-таки баранку. – В голове не укладывается.

– У меня тоже, – вздохнула Марлена. Для ее тонкой чувствительной натуры вся эта ситуация была невозможна и невыносима. В ее мире, в ее семье, в ее роду до какого-нибудь сотого колена люди с нежностью говорили друг о друге, доживали вместе до старости и никогда не разводились. Впрочем, это я опять преувеличиваю. Такими, насколько я могу судить, были только ее собственные родители.

– Но что случилось? – спросила я и сразу поняла, как глупо звучит мой вопрос. Что случилось? Старая, как мир, история. Подруга подкинула проблем. Сухих – она давно уже метила замуж, только все ее выстрелы были мимо целей. То ли оружие у нее было не пристреленное, то ли просто не везло – мужики на нее велись, заигрывали, угощали коктейлями в барах, но все, знаете ли, не те, не те. А ТЕ обходили Сухих стороной, хотя она была и красива, и ухоженна, и без материальных, как говорится, проблем. У нее была собствен-

ная однокомнатная квартира, неизвестно, правда, как и откуда взявшаяся. Была и машина, правда, «Жигули», но зато какой-то хорошей модели. Кажется, двенадцатой. Правда, у нее сын Борька, десятилетний троечник и лоботряс, сам торчит у компьютера целыми днями и Марлениного сына подсадил. Впрочем, сын как сын. Все мальчишки такие. Но Сухих его кавалерам никогда не показывала. Говорила, береженого бог бережет. А теперь вот, значит, она и Стас Дробин. В голове не укладывается.

– Бася вчера вечером к Анне на массаж поехала. Знаешь, у нее все шея болит.

– Потому что она ею все время крутит, когда в чужие дела нос сует, – не удержалась я. Марлена хихикнула.

– И она на работе телефон забыла. Анна ей там, как потом выяснилось, обзвонилась. Десять неотвеченных вызовов. Хотела отменить сеанс, но Бася не ответила.

– Злой рок. В кои-то веки Бася была нужна – и не ответила.

– В общем, она приехала, а там у подъезда машина Стаса. Бася сначала подумала, что он просто перед ней приехал, ну... на массаж.

– Да уж, как я понимаю, Сухих его отмассировала. – Я никогда не любила Сухих. С тех пор, как Марлена притащила ее из фитнес-клуба, я так ее и не полюбила. Она была слишком спортивная, чтобы нравиться мне. Дело даже не в том, что она худая. У нас и Люська-Авенга худющая, и Ба-

ся, кстати, тоже вполне стройная. Только мы с Карасиком и Марлена вечно худели. Вернее, мечтали похудеть. Но Сухих была именно такая, какой нам всем никогда не быть, даже если бы мы вообще бросили есть, пить и только бегали по беговой дорожке. Сдохли бы, но так бы не выглядели. Она – накачанная, загорелая, со здоровыми эластичными мышцами, с длинными спортивными ногами. Сразу понятно, что такая девушка должна создаваться годами, с самого детства, чтобы и фигурное катание, и гимнастика, и бальные танцы – с грамотами и юношескими разрядами.

Уж как и почему Сухих стала массажисткой – не знаю. Думаю, она воспринимала фитнес-клуб как свое персональное брачное агентство. Она вообще все воспринимала сквозь призму возможного устройства своей личной жизни. За муж она хотела страстно. Теперь выясняется, что настолько страстно, что даже решилась замахнуться на святое – на мужа подруги. Свинья свиньей!

Я у нее никогда ничего себе не массиовала. Честно говоря, как-то вообще к массажу отношусь с настороженностью. И потом, дорого. Удовольствие, кусающее за карман. Но Марлена от ее массажа была просто в восторге. Всем ее рекомендовала. И все были в восхищении. Даже Карасик. Они, кажется, даже вместе с Сухих бегали одно время. Но за Сухих разве угонишься! Даже она старше моего несчастного Карасика на два года. Да, Сухих старше, язвительно подумала я. Старая накачанная лошадь.

– Да уж, отмассировала. Бася позвонила, Сухих вышла и сказала, что сегодня сеанса не будет. Что она не может. Тогда Бася спросила, а почему же Сухих сделала массаж Стасу. Та покраснела, как помидор, и тут из коридора вышел сам Дробин. Представляешь, в одних трусах! И сказал, что, если уж так надо, можно сеанс и провести. Он, мол, подождет на кухне.

– И Бася хлопнула дверью?

– Ну зачем? Это же Бася. Она пошла на массаж.

– Что? – возмутилась я.

– Она сказала: «Только чтобы узнать все детали».

– И узнала.

– Не то слово. Мы с ней вчера, наверное, часов до двенадцати говорили. В общем, у этих роман был уже полгода, не меньше. Сухих все объясняла, что Стаса вообще не уводила. Что он сам пришел.

– Какая оригинальная формулировка! «Не виноватая я, он сам пришел».

Подробности выяснялись. Оказывается, Карасик фригидна, не устраивала мужа в постели, не умела хорошо готовить... На этой фразе я искренне возмутилась:

– Знаешь, Марлена, я верю, что Сухих может что-то такое уметь в постели, чего никак не может уметь Сашка. Карасик буквально не сможет так изогнуться, как эта спортивная стерва. Но насчет готовки – я протестую. Это я не умею готовить. А Карасик готовит хорошо. Помнишь ее «Наполеон»?

– Конечно же, это придирки. Сухих просто пыталась как-то оправдаться. В общем, Бася как-то дотерпела до конца массажа и уехала.

– С истинно женской преданностью она мужественно долежала весь массаж до конца, – усмехнулась я.

– Бася любит три вещи – массаж, сплетни и мужчин по имени Владислав, – кривлялась Марлена, имитируя Басин голос.

– И мужчин вообще без имени! – добавила я. В этом вся наша Бася. Ради дела готова пойти на все, даже отдаться в руки массажиста.

– Потом она уехала, а Стас остался там.

– Но что он сказал? – спросила я, хотя надо было, конечно, спрашивать об этом саму Басю. Первоисточники читать лучше всего.

– Не знаю. Наверное, ничего, – хмыкнула Марлена.

– Так что, будем собираться перед Новым годом? Ты никуда не уезжаешь?

– Никуда, – вздохнула Марлена. – Все только приезжают ко мне. Знаешь, давайте уж тогда у меня соберемся. Вот только... ты не могла бы Карасику позвонить. А то я как-то боюсь. Мне кажется, она сейчас не готова, чтобы ей все сразу позвонили.

– А что, думаешь, все уже знают?

– Бася звонит со скоростью света. Точнее, раззванивает. Это же ее цель в жизни – обеспечивать население информа-

цией. А тут такая новость. Круче нефти в мексиканском заливе.

– Так что, на той неделе? Во вторник? – По вторникам у Марлены был более-менее свободный день. Сын после школы шел на секцию по карате, а дочь пока еще была в младшей школе и оставалась на продленке.

– Вторник – это быстро, – заметила я.

– Надо ее поддержать, – добавила Марлена.

Вот такая она всегда. Знает, что нужно делать в той или иной ситуации. И какого цвета должны быть бумажные платки, которыми она станет утирать слезы брошенной мужем подруге. Причем все это у нее будет получаться легко и естественно, как будто в этом нет ничего сложного – подобрать вовремя платочки правильного цвета.

– Надо поддержать.

– На носу Новый год. Только я не знаю, как мы будем что-то праздновать. Все-таки такое событие. Все так грустно.

– Это точно.

– О, знаю. Надо мне Карасика пригласить отпраздновать Новый год с нами. И мальчишкам будет веселее.

– И это говорит женщина, которая чуть не улетела в Таиланд, только чтобы никого не принимать.

– Тут другой случай, – возразила Марлена. – Не понимаю, как Стас мог так поступить! И как теперь я буду смотреть ему в глаза?

– Купишь защитные очки, – пошутила я. Смотреть Стасу

в глаза – теперь удовольствие сомнительное. Но Марлене было хуже всех нас. Ее муж Ваня Ольховский со Стасом Дробинным и работал вместе, и состоял, как это говорят, в близких дружеских отношениях. Стас был у него кем-то вроде личного помощника. И собутыльника. Понятное дело, Марлена и до этого ЧП не одобряла дружбы с легким оттенком похмелья. А уж как относиться к такому вот «коллеге» мужа теперь, Марлена не могла и представить.

– Так что нам-то делать со вторником? Будем готовить? Или просто посидим?

– Давайте не готовить, – я моментально одобрила такую правильную инициативу. Дело в том, что на всех наших вечеринках, которые на самом деле фактически являлись утренниками, так как происходили обычно между одиннадцатью утра и тремя часами дня, было принято приносить приготовленные своими руками вкусности. Каждая моя попытка приготовить вкусность разбивалась о стену опечаток и недостаточных объяснений в рецептах. Однажды я делала блинчики и перепутала страницу, распечатала что-то не то и зачем-то влила в тесто уксус и всыпала соду. Получилось странно. В общем, как уже всем понятно, я готовить не рвалась.

– Ну, не знаю. Надо с девочками поговорить.

– Уж это неизбежно, – кивнула я. Понятно, что сейчас Бася осведомляет всю нашу общественность о катастрофе и скандале в Карасиковом семействе. И что в Новый год и в период каникул мы будем обсуждать случившееся, публично

позорить Сухих, будем спасать Карасика. Может быть, Марлена даже пригласит ее к себе на Новый год, а девочки скинутся, и мы купим ей какой-нибудь подарок. Как утешительный приз. Муж ушел, зато получите красивую коробочку с косметикой. В общем, Новый год обещал быть насыщенным и нескучным. И я с ужасом отметила, что меня это как-то даже не то чтобы радует. Как можно, ведь Карасику моему плохо! Но такая насыщенная общественная жизнь в новогодние каникулы обнадеживает. Новогодние каникулы – они невыносимо длинные и скучные. Столько холодных зимних дней подряд, и садик будет закрыт. Завтраки, обеды, ужины, прогулки, катание на санках и коньках, укладывание Эли спать, причем не только вечером, но и днем. Нет, больше выходных я ненавидела только каникулы. Мне кажется, меня поймут все, кто успел побыть матерью. Каникулы – самое для матери тяжелое время в году.

– Нет, надо все-таки что-то такое устроить, чтобы как-то утешить Сашу, – в конце концов решила Марлена к моему глубокому разочарованию. – Так ты ей позвонишь?

– Ну, конечно, – вздохнула я. Конечно, позвоню. Куда я денусь. Телефон сегодня раскалится, это уже однозначно. Нет, ну какой Стас подлец! Он что, не мог уйти из семьи после Нового года? После Нового года нет пробок, делать нечего и все уже больше просто не могут есть. Определенно, первостатейный негодяй!

Глава 2, в которой мы застываем в немой сцене

К

онечно, Бася пришла первая. Я пришла за десять минут ДО назначенного времени, а Бася не просто уже была там. Когда я зашла в прихожую Ольховской, Бася вышла меня встречать с чашкой кофе в руках и (конечно же) в больших меховых тапках, которые я тоже ужасно люблю и из-за которых мы с ней всегда негласно конкурируем. Марлена уже многократно клялась купить вторые точно такие же тапки, чтобы мы перестали отнимать их друг у друга, но... обещанного три года ждут. Да и тапки эти она, кажется, купила по случаю в одном из бутиков Милана. Вряд ли она вообще когда-нибудь сможет второй раз найти что-то подобное. Так что в нашем с Басей случае, буквально, кто первый встал, того и тапки. Вернее, кто первый пришел.

– Что, пробки? А где Карасик? – спросила Бася, довольно улыбаясь. Чисто кот, сожравший сметану. И потеряла ножкой о ножку, в моих тапках. Бася, Бася...

– Она с Авенгой приедет, – хмуро ответила я.

– С Авенгой? Но тогда она только через пару часов подъедет, – нахмурилась Бася.

Она, по всему виду, уже истомилась в ожидании шоу. А оно, как известно, не может начаться без главной звезды. В нашем случае Сашки Карасика. В самом деле, мы можем до мозолей на языках обсуждать ее «ситуацию», но пока она сама не приедет, нам некого утешать, успокаивать и учить жизни. У каждой из нас уже был готов свой рецепт выхода из кризиса. Каждая была готова разделить горе, принять меры и все такое. Но если Сашку подвозит Люська-Авенга, это действительно надолго. Авенга вовремя не приезжала никогда.

– Я ей предлагала подъехать за ней. Но она сказала, что это глупо. Авенга же с ней в одном подъезде живет. Вот она ее и повезет.

– Слушай, а почему Карасик так и не научилась водить? – спросила Бася. Вопрос был риторический. Сашка уже много лет постоянно говорила о том, что это надо сделать, даже грозились пойти в автошколу. Но рядом была я, была Ольховская, потом, опять же, Авенга. И Стас тоже ее регулярно возил в магазины. Возможно, такая схема была вполне Сашке удобна, вот она и не спешила сесть за баранку. Как ни крути, а в езде по нашей многострадальной Москве большого удовольствия не кроется.

– Галочка, это ты? – крикнула Марлена откуда-то из глубин своего необъятного дома. – Кофе будешь?

– С удовольствием! – прокричала я в ответ, скинула свои весьма поношенные зимние сапоги и влезла в одни из множества стоящих в прихожей пластиковых тапок, не преми-

нув при этом неодобрительно покоситься в Басину сторону.

– Может, тебе дать эти тапки? Хочешь, поменяемся? – тут же елейно предложила она, прекрасно зная, что я откажусь. Такой уж у нас код вежливости. Не снимать же друг с друга тапочки, в самом деле. Я улыбнулась.

– Нет, мне без разницы, в какой обуви ходить. Не беспокойся.

– Ну, славно, – снова осклабилась Бася. – Что ты принесла? Я сделала киш с семгой. Это такой как бы омлет с овощами и тестом. Пробовала такое?

– Киш? Нет, не пробовала. Звучит прикольно. Сложно делать?

– Пара пустяков, – пожала плечами Бася. Она, хоть и не имела никакой семьи, в смысле, мужа или детей, но готовила очень даже неплохо. Только вечно что-то такое странное. Хоть бы этот киш. Может, это и вкусно – омлет с рыбой, но мне бы в голову не пришло такое сотворить. Я всегда иду прямой дорогой: пеку шоколадный пирог. Все девочки любят шоколад. Все девочки любят пироги. Так что с вечера я намесила на паровой бане ингредиенты, запекла корж (он вышел почему-то каменным и тонким), залила его кремом и запихнула в холодильник.

– А у меня пирожные, – сказала я, достав из пакета замотанное в фольгу блюдо.

– Пирожные? Круто, – Бася с сомнением покосилась на пакет. Да уж, пирог превратился в пирожные, хоть это со-

вершенно и не предполагалось. Ведь как все хорошо начиналось! В кои-то веки пирог у меня получился. Жестковат, но съедобен, что уже само по себе – достижение. Даже Элька оценила мой шоколадный крем, когда вылизывала кастрюлю, так что я вполне обоснованно рассчитывала на успех. Я хотела поразить если не Марлену, то хотя бы Карасика. Я даже присыпала пирог специальной цветной марципановой крошкой. Подумывала написать на пироге «Все мужики – козлы!», но не придумала, чем сделать надпись. Каково же было мое удивление сегодня утром (за пять минут до выхода из дома), когда я узрела свой пусть и жесткий, но вполне шоколадный и съедобный пирог надкусанным с двух сторон. Вернее, даже не надкусанным, а значительно отъеденным и восстановлению не подлежащим. Представляете себе сырный круг, на который напали крысы? И в ровном контуре неровные неравномерные провалы со следами зубов? Прямо наш случай.

– Это что? – крикнула я, с ужасом разглядывая пустоты в пироге. – Элька!!!

– Мамочка, это не я, – ответила дочь даже раньше, чем поняла, в чем, собственно, дело и в чем конкретно ее обвиняют.

– А кто? – я сузила глаза и уставилась на невинно хлопающую глазами дочь. Я жаждала правды.

– Влаги, – подумав, ответила она.

– Враги, значит? Что, пришли татаро-монголы и отъели

мой пирожок? – ерничала я.

– Кто? – искренне озадачилась Эльвира. Хитрая, но эрудиции в ее неполные пять лет еще не хватает. Впрочем, ее папаша, мой несостоявшийся (слава богу) муж, и в тридцать эрудицией не блещет.

– У тебя шоколад на щеке, – соврала я, и дочь тут же попалась, принялась вытирать щеку и краснеть.

– Вкусно. Зачем ты его унесешь к подлугам? – обвинительно спросила она.

– К «подлугам» я его унесу, а потом принесу почти все обратно, как обычно. Ты не могла подождать немного? Все равно мы бы там все не съели, – причитала я, расстроено бегая вокруг изуродованного и почти безвозвратно утерянного пирога. В общем, пришлось доставать другое блюдо, вырезать отгрызенные части, придавать пирогу форму пирожных и надеяться на лучшее. На то, что Марлена приготовит что-то сногшибательное, как всегда, и никто не станет придирается к моим обрезкам. Собственно, так и случилось.

– Смотрите, – сказала Марлена, приоткрывая для нас с Басей дверцу своего двухкамерного холодильника.

– Вот это да! – присвистнула Бася.

Там, на идеально чистой стеклянной полке похожего на райские кущи холодильника стоял, занимая практически все пространство, большой прямоугольный торт, покрытый волнами густого бежевого крема и кокосовой стружкой. Я поняла, что спасена. На фоне такой красоты на мое блюдо ни-

кто даже не посмотрит. Правда, легкий укол зависти все же отозвался в сердце. Вот как она это делает! Да еще так, что создается впечатление, будто это вообще нетрудно. Что это – пара пустяков.

– Думаешь, Сашке понравится?

– Наш Карасик на такое точно клюнет, – Бася рассмеялась и, кажется, облизнулась.

– А кстати, где они?

– Ну, Авенга, как всегда, опоздает. Это можно даже не сомневаться, – фыркнула я.

– Интересно, а к своим клиентам она тоже вот так приходит, с опозданием в час? – пожала плечами Марлена.

– Тут как раз все просто. Она всегда может сказать, что ее задержали духи или ей было видение и она выходила в потусторонний мир, где время течет с другой скоростью.

– Нет, я не понимаю, как ее клиенты-то такую пургу глотают? – хмыкнула Бася.

– Бася, кто бы говорил, – вмешалась я. – Не тебе ли Люська снимала венец безбрачия?!

– Ну, и не помогло, – Бася возмущенно задергалась.

История с Любасиным венцом безбрачия всех немало повеселила в свое время. Бася же у нас – киношница. Работает в телеиндустрии, курит, как паровоз, питается шоколадными батончиками и постоянно кому-то звонит и куда-то спешит. В общем, адекватная девушка. Но когда ей довелось снимать сюжет про колдуний-целительниц, она сразу и по пол-

ной программе развелась на все трюки нашей Люськи-Авенги. Почему Авенги? Да потому что у любой уважающей себя ведьмы должно быть какое-то такое имя. Не может ведьма, в колдовской среде известная как «магистр высшей лиги, потомственная колдунья в пятом поколении, ведунья и целительница», зваться Люськой.

Это как-то несолидно. И на вывеске плохо, и в газете – в разделе объявлений. Вот наша Люська и придумала быть Авенгой. Когда начинала работать, как она рассказывала, вообще провозглашала себя ИО упокоившейся с миром Ванги, и это прокатывало почти всегда. А что? Авенга – Ванга. Похоже? К тому же имя на букву А – дополнительная польза. В разного рода алфавитных списках ты будешь в первых рядах. Все это наша будущая провидица учла и не забыла. Так же как и зарегистрировать свою потустороннюю деятельность в качестве предпринимательской, чтобы платить пониженные налоги и обелять полученные с помощью черной магии деньги.

Так вот, Бася нашла нашу Люську и снимала ее в сюжете. Люська была хороша. В длинном черном мешке с капюшоном, с шаром в руке, с длинными кривыми тонкими пальцами, с ее самоуверенностью и низким хриплым (предположительно от курения) голосом она была чистая ведьма. И говорила легко, не напрягаясь: «У вас на этом доме наложено вето, здесь энергетическая дыра поглощает зеленый спектр энергетики. У вас есть астральный клон, он забира-

ет удачу, вам надо пройти обряд инициации». А потом спокойно объявляла стоимость услуги по инициации и прочему. С допслугами выходило недешево, но так убедительно, что впечатлительная Бася уже после всех съемок пришла и долго-долго снимала с себя венец безбрачия, который у нее обнаружила Авенга прямо на съемках. Венец не сняли, но зато подружились. Оно и понятно. Авенга – колоритнейший персонаж.

– Потому что ты жабу не дожарила. Слопала сырой, – мы с Марленой рассмеялись, а Бася насупилась и принялась нервно болтать под столом ногами, обутыми в мои тапки.

– Главное, чтобы в этот потусторонний мир не затянуло по дороге и нашу Сашу. Кстати, почему Авенга никогда не звонит? Мы-то на ее рассказы не поведемся.

– Может, позвонить? – предложила Марлена. Я достала телефон и набрала номер Карасика. Абонент был недоступен. И в выходные нам не удалось поговорить, она все бросала какие-то отговорки и ссылалась на занятость. Честно говоря, было немного обидно, что она как-то отдалилась от меня в последнее время. Все-таки мы с ней были лучшие подруги с самого детства.

Если зреть в корень, то мы с Карасиком вообще были пра-матерями всей нашей тусовки. Она с нас началась, мы были ее родоначальницами, а уже потом на нас, как бусы на нить, нанизались остальные девочки. Басю вообще притащила со съемок Авенга после того, как полгода стригла с нее купо-

ны как с клиентки. Не понимаю, кстати, почему Бася на нее не обиделась за это. Все-таки Авенга реально что-то может. Какое-то нейролингвистическое зомбирование или гипноз, как цыгане на вокзалах. Но Бася так и не потребовала своих денег обратно. Наоборот, бегала за Авенгой, как за своим личным пророком. Даже когда уже познакомилась с нами и начала прозревать, видеть за Великой Авенгой Людмилу Жилину, женщину, в поте лица зарабатывающую на сытую безбедную жизнь.

Авенгу притащила Карасик, так как они были соседками по подъезду. Авенга переехала в наш район, когда забеременела и вышла замуж за весьма сомнительного мужика, в котором мы так и не разобрались за пять лет. В общем, беременная Авенга переехала к нам, точнее, к Карасику в подъезд. А мы с Карасиком и сами в этот период времени были в почти идентичной степени беременности. Что может сблизить женщин больше, чем совместная беременность, а потом и роды, и коляски, и пеленки, и колики, и... миллион других вещей, которые случаются с любой молодой матерью и которые никому, кроме нее, не интересны.

К слову сказать, Авенга – баба неплохая, если не вникать в ее колдовские заморочки. Да, в другое время в другом месте гореть ей на костре. Но в современной Москве колдовство являлось таким же нормальным предпринимательством, уважаемым делом, с лицензией, уплатой налогов, с оборудованием и спецодеждой. Люська даже отчеты сдает.

Ее деятельность называется «услуги».

Марлену тоже приволокла Сашка Карасик. Ее старшенький Серега с Марлениным сыном вместе занимались карате. А потом именно Марлена затащила нас в фитнес-клуб. Как-нибудь позже расскажу, как мы занимаемся фитнесом. У нас свой метод. Не могу сказать, чтобы он работал, но он у нас есть. Марлена говорит, что главное в этом деле – методичность и последовательность.

И, наконец, уже Марлена притаранила Аньку Сухих, так как сблизилась с ней на почве массажа. Такие вот внутренние линии, такие вот связи. Но изначально были только мы с Карасиком. Мы сидели за одной партой в школе, мы вместе делали или, скорее, не делали уроки, вместе прогуливали физкультуру, поддельвая записки от родителей. У нас даже была одна собака на двоих. Хотя завести собаку хотела Сашка, в итоге ее собака жила у меня. Почему? Дело в том, что Карасик нашла на улице щенка. Бог его знает, какая порода. Дворняга, но симпатичная, похоже, в прошлом родителей щенка не обошлось без овчарки.

Черный в крапинку нос был похож на бублик с маком, так что мы его так и называли – Бублик. Она как увидела ее, эту собаку, так и не смогла от нее отойти. Мы сидели, целовались со щенком, скормили ему несколько булок и мороженое. Почему-то купить колбасы нам тогда не пришло в голову. Впрочем, Бублик всегда одобрял мучное и жирное.

– Я заберу его домой, – категорично заявила Сашка. И

забрала. Но дома в тот момент был Карасик-папа, который сказал, что лапы этого щенка не будет в его доме. – Но почему? – Сашка кричала и плакала одновременно. Я тоже подвывала, но Карасик-папа в свойственной ему убийственной манере пояснил, что собаку следует убрать немедленно ради собачьего же блага. Он сказал, что (цитирую) ни одна собака в здравом уме не захочет принадлежать такой безалаберной и никчемной хозяйке, как его дочь Саша, которая не может даже за собой следить и себя вовремя выгуливать и кормить.

– Я буду делать все!

– Ни одно твое слово не стоит воспринимать всерьез, – отмахнулся от нее папа-Карась. – Ты никогда не отвечаешь за свои слова. Ты вообще у нас уродилась такая... бесполезная. Давай, уноси этого щенка, пока не пришла твоя мать с новой аллергией.

– Куда?

– Не знаю. В приют для собак. На помойку. На мясокомбинат. Только подальше отсюда!

Да уж, у Сашки Карасика был и есть своеобразный папаша. В общем, щенка пришлось уносить. Сашка сказала, что, если мы не придумаем чего-нибудь немедленно, она покончит с собой. Щенка принесли ко мне. Мой папа сказал, что если этот щенок согласится питаться тем, что готовит наша мать, то пусть остается – смелый и мужественный зверь. «Умение» готовить у нас в роду семейное. Мама стряпала откровенно плохо... Хорошо, что папа, в прошлом во-

енный, не придавал еде большого значения. Он говорил, что после стольких лет армейской столовой ему уже ничего не страшно. Однажды в его части случилось ЧП. На обед ему принесли мясной гуляш, на одном куске которого, весьма значительном по размеру, обнаружилась странная надпись «МБ-82».

– Что это? Штамп мясокомбината? – заинтересовался мой папа, тем более что и на вкус гуляш показался ему странно-ватым. После отмывания в хлорированной воде и скобления страшная правда вылезла наружу.

– Это татуировка! – с ужасом прошептал его старпом. – Не хватает буквы Д. Тогда будет «ДМБ-82».

– ... – папа долго молчал. Потом деловито спросил старпома: – То есть ты хочешь сказать, что у нас в части сегодня на обед гуляш из призывника?

– Из дембеля, – кивнул старпом, и зрачки его расширились от внезапного открытия.

Они принялись лихорадочно прикидывать, солдата какого взвода могли слопать и даже не заметить его отсутствия. И что теперь делать, куда бежать, чтобы не получилось огромного скандала. Слово «каннибализм» в Советской армии так и витало в воздухе. Надо ли говорить, что папочку, по его собственным словам, вывернуло наизнанку трижды – он плохо переваривал младший воинский состав. Дальше вызвали повара. Смотрели ему в глаза, искали у него совесть. Тот побледнел и дал пояснения:

– Это свинья. Клянусь.

– Ага, – кивнул папа. – Свинья – дембель? Что ж, получается, что отстрелялась она. Верно?

– Правда – это свинья. Пацаны учились татушки делать. Ну, не на себе же! Вот и попросили поросенка. На время. Кололи на ней, а потом, видать, мы не все срезали. Проморгали как-то татушку.

– Боже мой! – рассказывал папа. – Вы не представляете, какое это было облегчение. Я потом месяцев пять мяса не мог есть. А вы говорите – наша мама. Даже мамина стряпня – ерунда. С ней я хотя бы уверен в ингредиентах.

Щенок есть мамину еду согласился, хоть и не без раздумий. Он минут пять стоял и с недоумением смотрел на миску с мамиными котлетами, которую мы поставили перед ним. Впрочем, появление сухого корма во многом облегчило участь Бублика. Он прожил в нашем доме почти пятнадцать лет, после чего счастливо умер в своей постели (вернее, в папиной) под наши общие рыдания. Карасик все пятнадцать лет считала Бублика своим, мы с ней вместе его выгуливали, она его дрессировала. Мы с ней были практически как сестры. Причем у меня была своя собственная, реальная сестра Олечка, но с ней я и близко не могу быть так откровенна, не могу рассчитывать на поддержку, а вот с Карасиком – могу. Ольга – она как явление природы, как стихийное бедствие. Рядом с ней лучше было не находиться, а то могло случайно зацепить и разорвать в клочья. Причем она была такой с са-

мого момента, когда ее принесли из роддома.

С Карасиком у нас было взаимопонимание. Правда, Карасиком она перестала фактически являться, когда вышла замуж за Дробина. По паспорту она – Дробина, но для меня она навсегда так и осталась Карасиком.

– Девочки, я еще сделала салатик. От него точно не поправишься, он из сельдерея и тунца, – продолжала щебетать Марлена. Как же повезло ее мужу жениться на такой вот женщине. У него, наверное, карма хорошая, или он много старушек в детстве через дорогу перевел.

– Ой, ну что ты столько всего наготовила, – «возмутилась» я, хотя так бывало всегда, когда мы собирались у Марлены. Такая уж она была хозяйка. Это мне в ней и нравилось. Она была мой идеал. Мне вообще многое у них нравилось, в доме Ольховских. Во-первых, то, что это дом. Во-вторых, огромная, длинная, во всю стену, кухня с какими-то невероятными штучками-дрючками. В-третьих, большой, на восемь человек, обеденный стол. Я представляла, как вся семья Ольховских собирается за ним и ужинает, подвязавшись белоснежными накрахмаленными салфетками. Однажды я попыталась нарядить так же к ужину Эльку. Она в отместку перевернула на пол купленную мной к этому случаю супницу. Отмывали неделю.

– Ерунда. Вот твой кофе. Ну, рассказывай. Ты с ней говорила? – Марлена вручила мне изящную белую чашку и села напротив. В изящном шелковом платье, в тапках-туфлях

с кожаными пряжками, с браслетами на тонких запястьях. Красивое, чуть подкрашенное лицо выражает обеспокоенность.

– Почти не говорила. Она была в таком состоянии...

– Могу себе представить, – вздохнула она.

– Ну и где их носит? Может, наберешь еще разок? – злилась Бася.

Конечно же, пока не придет Карасик, мы за стол не сядем. А тут такой торт, такой салатик. Еще и киш с чем-то там. Что за имя для еды – киш. Только голубей отгонять.

– Не отвечает.

– Позвони Авенге. Пусть кончает общаться с духами, сажает свою задницу в свой старый «мерс» и тащится сюда. Мы бы уже сто раз сами за Сашкой съездили.

– Может, что-то случилось? – начала было волноваться Марлена, но в этот момент дом завибрировал, зазвонил мелодичным громким переливом и на экране видеодомофона появилось худое нетерпеливое лицо Люськи с традиционной сигаретой между зубов.

Мы побежали открывать двери. Авенга влетела в прихожую на третьей передаче, полы ее дубленки развевались, рыжие волосы тоже, сама она явно с трудом затормозила, а то бы так и кружила по холлу без остановки. Мы огляделись в недоумении.

– А... где Карась?

– Не поехала, – выпалила Авенга и сбросила дубленку на

руки Марлены.

– Что? Но как это?

– Меня спрашиваете? – изумилась она. – Откуда я знаю.

– Интересная постановка вопроса, – Бася скривилась и развернула корму обратно в сторону масштабной Марлениной кухни. Я поплелась за ней. Авенга каким-то образом обогнала нас на повороте и плюхнулась на стул во главе стола. Марлена осталась в прихожей – вешать дубленку.

– Я зашла за ней, предложила ей навести на Сухих порчу, сказала, что мне еще надо будет заправиться по дороге. Бензин подорожал, черт знает что.

– Авенга, ты можешь говорить по порядку? – возмутилась я.

– А я как говорю? Бензин подорожал, а еще, говорят, будет акциз...

– Что она сказала? Она, Карасик?

– А она сказала, что очень извиняется, но не может никак поехать сегодня к Марлене.

– Но ты спросила хоть, почему?

– Конечно! – Авенга вытащила сигареты из своей странной сумки-торбы с росписью и вышивкой в каких-то символически-магических традициях.

– И что?

– Она сказала, что объяснит потом. Передала вам всем привет.

– Привет? – в полнейшем изумлении оцепенели мы.

– И еще передала печенюхи. Где же они? А, я в машине забыла, – Авенга дернулась, но все мы хором зашипели на нее, что, если она двинется с места, мы сами ее «попортим» так, что снимать порчу потом будет травматолог.

– Но как она могла не поехать? Мы же собрались тут из-за нее. Может, у Карасика травма? Может, надо к ней туда ехать? Она ничего не может с собой сделать? У нее же дети! Как она выглядела!

– На самом деле она выглядела... занятой. У меня было ощущение, что она вообще куда-то спешила. Слушайте, у кого-нибудь зажигалка есть? Я свою тоже, кажется, в машине забыла. Вы кофе пьете? Мне нальете? – Она говорила быстро, меняла тему молниеносно, постоянно забывала, что в доме Ольховских все равно не курят. Иногда у меня возникало такое ощущение, что Авенга – это экзотический дикий зверь, точнее зверек. Не то чтобы тигрица или леопард. Что-то вроде шиншиллы. Маленькая, верткая, издали похожа на хорька, но приглядишься и увидишь странную своеобразную грацию. И шубы из них прекрасные. То есть есть в них что-то беззащитное, несмотря на все зубы и когти.

– Но ты что, просто так и ушла? – озадаченно допрашивала ее Бася.

– А что мне, курить у форточки, плевать в мусоропровод? Чего мне было ждать? Так что, вам печенье нести?

– Так, надо срочно ехать ее спасать, – подвела итог Бася.

– Да? А вдруг ее вообще дома нет, – возразила Марлена,

которой наверняка никуда ехать не хотелось.

– А вдруг она сейчас вены себе порежет? – нарисовала кровавый сценарий киношная Бася.

Вообще, надо сказать, у нее давно уже заметны следы профессиональной деформации. Если ты все время работаешь над дикими сюжетами, снимаешь бессмысленные пафосные ток-шоу про маньяков, брошенных женщин и банды подростков, то перестаешь отслеживать грань между реальностью и тупым телевизионным вымыслом.

– Что ты такое говоришь, с ума сошла? – возмутилась Марлена, а я бросилась к телефону.

– Говорю вам, ничего с ней не случится, – бросила Авенга торжественно и даже немного высокопарно.

– С чего ты взяла? У тебя было видение? Тебе руны сказали? – юродствовала Бася. Тут я услышала в трубке долгие гудки, громко зашипела и принялась махать руками.

– Я дозвонилась, заткнитесь.

– Алло? – ответила Сашка через десять гудков. Голос был... скорее сонный или усталый, но не такой, какой должен быть у подруги, которую ждут с пирогами, а она не пришла.

– Ты как? Мы все волнуемся.

– Я в порядке, – Карасик встрепелась. – Вы зря нагоняете панику. Мне просто нужно было срочно в одно место поехать. Честно, я очень извиняюсь, но это было правда важно.

– Да? Ну, хочешь, подъезжай попозже. Мы будем тут еще

часа три, – я глянула в сторону Марлены, и та бодро закивала. В конце концов, раз уж мы все тут так удачно собрались, не расходиться же. К тому же пироги. И «пирожные».

– Нет, я не смогу. Я... я позвоню, ладно? – попросила она отчужденным, каким-то закрытым, застегнутым на все пуговицы голосом. И повесила трубку. Я автоматически сказала молчащему аппарату, что да, позвони, мол. И сообразила, что меня уже никто не слышит.

– Ну что? Говорю тебе, она какая-то не в себе. Ей вообще не до нас. Может, даже и не до мужа. В конце концов, мужик же. Ушел, пришел... – Авенга пожала плечами и, ни добавляя ни слова, зачерпнула себе салата и положила на чистую тарелку с изящной каймой.

Так, получается, мы начали кушать.

– Странно все как-то, – сомневалась я.

– Нормально, – бросила Авенга, покосившись на коридор.

– Тебе все нормально, ты же вообще привыкла жить в параллельных мирах, – едко заметила Бася. Но в ее словах была и доля истины. Авенга была странной. Вся в целом, вместе со старой ужасной машиной, с непонятным мужем, который иногда исчезал на месяц, а иногда приходил и улыбался, предлагая вложиться в очень выгодное дело. Ее работа, ее клиенты, карты и кофейная гуща, ее прошлое, о котором мы за пять лет так ничего и не узнали... она была странной, уж это определено. Она встала.

– Давайте я все же принесу печенье. А то оно у меня в

машине обледенеет.

– Ну, неси, – кивнула Бася, а Марлена, вздохнув, достала торт. Мы сели и некоторое время ели молча, просто не зная, что сказать. Потом, конечно, первой подала голос Бася:

– А знаете, мне кажется, он от Сашки всегда как-то немного погуливал.

– Кто? – спросили мы хором.

– Дед Пихто, – фыркнула она.

– Стас? – вытаращилась я.

– Да, Стас. Я видела такие, знаете, приметы. Он приходил и уходил, переодевался посреди дня. Никогда не оставлял телефон. Есть такие знаки, на которые надо бы обращать внимание. Но Сашка, она всегда была раззявой. Да? – Басе требовалось одобрение, чтобы продолжать разговор в таком контексте. Авенга молчала, Марлена тоже, а я была слишком зла на Карасика, поэтому кивнула и добавила от себя:

– Нельзя быть такой вареной. Мужики – за ними нужен глаз да глаз. И потом все-таки надо за собой следить. А то выйдут замуж, и все. Халат, тапки, журнал «Садоводство».

– Ну, девочки, не уверена, что мужчину можно удержать, если не носить халат, – усомнилась Марлена.

– Да, но ты-то вот в платье. И дом у тебя сияет. А в Карасиков дом иногда войти страшно. Разве это нормально? – продолжала я, хоть мне и было немного стыдно... в глубине души. – Нет, я не оправдываю Стаса. Это просто свинство. И потом, у них же дети. И все же... мне кажется, тут не все

так уж просто.

– Может, и гулял, – вдруг высказалась Авенга, заглянув в Марленину чашку из-под кофе.

– Это что, ты там прочитала? А что там еще пишут? – моментально заинтересовалась Бася, пытаясь сунуть нос в чашку.

Но там, если чего и было написано, видно было только Авенге. Да и то наверняка она просто всегда придумывала все эти «дальние дороги», «неожиданные известия». Впрочем, мы не жаловались. Всем нравилось, как она гадает. В прошлый раз мне она пообещала «самый странный роман в моей жизни», который придет оттуда, где он уже давно меня ждет. Супер? Вот поэтому-то и не иссякает поток ищущих Авенгиных услуг дам. Умеет она ввернуть пару загадочных слов.

– Ничего не пишут, – фыркнула Авенга, продолжая с интересом вглядываться в чашку. – Пишут, что все будет зашибенно. И вообще, я не на работе, так, решила размяться.

– Мне тоже погадай, – попросила я. – Разомнись на мне.

– Я вообще считаю, что Стас Дробин жил с ней из-за сына, – подлила масла в огонь Бася.

Марлена положила всем по куску торта и подлила чаю.

– И что? Это повод теперь вот пойти и переспать с ее же подругой? – возмутилась хозяйка дома.

Разговоры, разговоры, разговоры. Все мы не прочь почесать языки. А все равно, когда я уезжала от Марлены, меня

не покидало чувство, что сегодня я сболтнула что-то лишнее. Нечасто, но такое со мной бывает. Ничего не могу с собой поделаться. И вообще – куда это годится, когда три взрослые женщины бросают все дела и бегут, чтобы утешить одну конкретно пострадавшую брошенную подругу, а она не является за этим утешением! Это разве по-человечески? Это по-дружески? Ну так пусть и не жалуется. Но, впрочем, я бы очень не хотела, чтобы Карасик каким-то образом узнала о наших сегодняшних разговорах. Ну, просто так. Зачем? Меньше знаешь – лучше спишь.

Глава 3, в которой я играю несвойственную мне роль

Считается, что Новый год – это семейный праздник, верно? А моя семья – это пожирательница пирогов Элька, и только. Технически, я имею в виду. Мать и дитя, без мужа (хвала небесам) и, соответственно, свекрови, тещи и прочих членов семьи. Именно в таком составе я изначально собиралась праздновать этот светлый праздник. Хотя почему светлый? Темень же, ночь на дворе. Спать хочется. В общем, думала, посидим с Элькой, наряженной в костюм снежинки, который я купила (а всем сказала, что сшила сама, предусмотрительно срезав бирки) для садовского утренника. Посидим, съедим покупную селедку под шубой, чтобы не рисковать желудками, выпьем чаю с тортом, сожжем что-нибудь... Я имею в виду бенгальские огни. Или какие петардочки с балкона запустим – и всего делов. Но не тут-то было.

Первым пришел и самодобавился в список гостей Тимка. Сейчас вы спросите: а это еще что за ком с горы? Ответить на этот вопрос будет непросто. Тимка – это Тимка. Человек, которого как-то прибило к нашей с Элькой не хлебосольной квартире, хотя быть его тут никак не должно бы. Изначально Тимка чинил моего «старика». Конечно, мы виделись ча-

сто. Моему старику в обед сто лет, а точнее, скоро будет двадцать. Тимка считал, что его давно пора уже сдать на свалку или хотя бы на органы, хотя тут же уточнял, что не дай бог кому эти органы достанутся. Не видать тому больше счастья.

– Знаешь что. Со своей рухлядью можешь делать что хочешь – хоть под пресс засовывай, а мне пока что еще рано нового брать. Да и не в том я финансовом положении. И вообще, он же немец. А они по сто лет живут.

– Да, только их в этом случае натирают вазелином и выставляют на показ как раритеты. И потом, «Опель» – не та марка, чтобы ее выставлять для будущих поколений. А уж твоей машине этого и подавно не светит.

Тимофей вообще-то к «Опелям» относился вполне уважительно. Хорошая марка. Хорошие машины. Но не к моей. Так уж получилось. С самого знакомства, причем и со мной, и с моим «стариком», он проникся некоторыми сомнениями на наш счет. Это и объяснимо. Познакомились мы с Тимкой где-то года три назад. Я тогда своего «старика» только купила, год где-то, как жила с ним... Горя не знала. Машина, хоть и досталась мне старой, а бегала, как молодая. А тут, как назло, что-то начало с ней происходить. То кондиционер откажет, то что-то под капотом начинает чихать и кашлять. И вонять. А последней каплей в моей чаше терпения стало то, что переключать ручку скоростей стало почти невозможно – тяжело в прямом, физическом, смысле этого слова. Это при том, что машина у меня с коробкой-автоматом. И не долж-

на бы никак упираться и сопротивляться переключению. В общем, после очередного поединка по типу армрестлинга с ручкой переключения передач я, злая и мрачная, заехала в первый попавшийся сервис, призывавший к себе клиентов с помощью от руки написанной картонной вывески «Сервис». Так я познакомилась с Тимкой.

– На что жалуетесь? – спросил он совсем тем же тоном, что и я спрашиваю у своих пациентов в поликлинике.

– На машину. Она барахлит.

– Что вы говорите, – удивился он, дергая за всякие ручки. Я стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу, и обдумывала вопрос: стоило или нет поискать более приличное место для ремонта, или старый гараж с ямой меня реально устраивает?

– Я говорю, там стало трудно ручку дергать.

– А когда вы масло в коробке меняли? – спросил он, и тут на меня нахлынуло смутное воспоминание.

– Масло? – переспросила я, а перед глазами встало лицо мужичка, продававшего мне эту машину года полтора назад. Его губы произнесли что-то, кажется: «У нее скоро триста пятьдесят тысяч». «Тогда поменяете масло», по-моему, он добавил.

– Да, масло. И фильтры. И тосол, – перечислял Тимка, с интересом изучая выражение моего лица.

– Ну... как бы... а что, пора?

– А когда было последнее ТО?

– Что ТО? – переспросила я. – Что именно ТО?

– Вы масло хоть раз меняли? – нахмурился Тимка, но через несколько секунд сделал весьма выразительный жест рукой, отвернулся и принялся копать в машине. В итоге выяснилось, что моему «старика» удалось некоторое время возить меня вообще без масла в коробке передач. Да и в двигателе было, по его словам, не столько масло, сколько мазут.

– Это плохо или хорошо? – старалась понять я проблему.

– Это хорошо, что у вас машина по дороге не развалилась. А теперь, раз уж вы такая удачливая, вам бы надо тихо залить все положенные жидкости в тачку, аккуратно натереть ее воском, пропылесосить, отогнать на охраняемую стоянку и потом быстро-быстро продать за любые деньги.

– Зачем? – удивилась я, ибо проходить всю процедуру выбора машины снова я была совершенно не настроена.

– Зачем? А вам не понятно? – вытаращился Тимка.

– Мне понятно. Но... а можно ее просто подлатать? Ведь мы же сейчас все забабашаем обратно. И все пройдет? У меня так: если пациенту вовремя дать лекарство, он выздоровеет.

– Вы врач? – кивнул он. – Вот представьте, что ваш пациент пришел к вам с уже сломанными ногами. Нет, представьте, что он пришел к вам вообще без ног. Они у него лежат в багажнике. А он спрашивает, можно ли их обратно пришить.

– Но сейчас он будет ездить?

– Кто? – выпалил он. Я вздохнула и кивнула в сторону «старика».

– Он – не знаю. Он пусть тут отдохнет. А вас я отвезу. Вы

приходите за ним послезавтра. Я хоть прочищу системы и фильтры заменю. Хотя бы так.

Я помню, что с того самого дня и по настоящий момент Тимка смотрел на меня с некоторой долей жалости, недоумения и неодобрения. Причем одновременно.

– Спасибо.

– Но лучше бы продать, – на всякий случай еще раз посоветовал он. Хотя ему бы, как владельцу автосервиса в гараже, надо было мне говорить совершенно обратное. Но такой уж он от природы. Хороший человек, но плохой бизнесмен. Зато мастер отличный. С тех самых пор я только у него и чинюсь. Вот уж года три. И каждый раз он ругается.

– На машине надо ездить! Ездить, а не то, что ты делаешь, – раздражается он такой тирадой каждый раз при виде меня.

– А как же я сюда добралась? – возмущаюсь я. Впрочем, иногда я действительно даже до автосервиса добиралась с помощью автомобильного троса, привязанного к Тимкиной «Газели». Тимка поменял в моем «старике» все. Он перебрал у него движок, заменил глушитель, масло менял так часто, словно это не машина, а фритюрница, честное слово. А сколько раз Тимка красил разные части опелевского кузова!

Да, в моей автомобильной жизни не обходилось без ЧП. Но, к чести своей, должна сказать, что далеко не всегда следы на теле моего «старика» оставались по моей вине. Да, я въехала в «Жигули» на повороте и разбила фару, он слишком

медленно поворачивал. Кто мог знать, что он вот так будет плестись? Потом, когда я на стоянке повредила бампер, ну кто мог помнить, что спереди машины лежит бетонный блок. Его же не видно! Зато слышно. И вообще, у нас то бордюры такие высокие, что царапают двери, то столбики какие-то на ровном месте повтыкают. А однажды я вообще вышла утром к машине во двор, а у нее левая дверь разбита. Вот так, кто-то врезался и уехал. Ни ответа, ни привета. Будто так и надо. Тут-то я чем виновата? Ну и что, что я поставила машину прямо у входа в дом. Других-то мест все равно не было.

– Ты не водитель, – говорил Тимка, с радостной улыбкой снова встречая меня в своем маленьком частном сервисе около гаражей. – Ты – моя мечта.

– Спасибо, конечно, – вздыхала я, – но я бы согласилась больше никогда тебя не видеть.

– И совсем бы не вспомнила? Не скучала бы? – усмехался он.

За долгие годы моего сотрудничества с продукцией компании «Опель» мы с Тимкой успели действительно неплохо друг друга узнать. Тим сначала поил чаем меня, потом стал частенько под разными предлогами заходить ко мне на огонек (со своей едой). Иногда мы вместе ходили в кино, пару раз даже выбирались в кафе, смотрели там футбол. Я обожаю футбол и вообще все места и занятия, где можно орать, свистеть и материться.

– Я приду к тебе на Новый год? – спросил Тимка, когда

я прикатила к нему на визжащих тормозных колодках за пару дней до праздника. А куда мне еще катить? В официальный сервис? Не смешите меня! Страховки у меня отродясь не было. Как можно застраховать то, что нельзя найти в автомобильных базах?! За древностью лет, так сказать. А на те деньги, что официальные дилеры просили за новый, скажем, фильтр для моего «старика», можно было купить нового «старика».

– Приходи, – пожала плечами я, не сильно задумываясь, почему, собственно, Тимка не хочет справлять Новый год, как обычно, на сервисе.

Жил Тимка в соседних от сервиса домах, в трехкомнатной квартире, но у него дома была сложная, так сказать, ситуация. У него там была старушка (я имею в виду реальную старушку-мать, а не какую-нибудь машину), старик-отец, старенький пес с оригинальным именем Каштан, которого Тимка с папашей избаловали до безобразия, бывшая (но не такая старая) жена с сыном от первого брака и новым (третьим по счету) мужем, который как-то завелся у них в доме года через два после развода, а вывести так и не смогли. Бывшая Тимкина жена в свое время приехала покорять Москву, покорила Тимку, прописалась у него и, понятное дело, выпиываться не собиралась. Так они и жили. Счастливо и шумно, особенно когда новый муж Тимкиной бывшей жены уходил в запой. Так что Тимка старался дома особенно не появляться, все время торчал в сервисе, что, согласитесь, для

меня, как для потребителя, очень удобно.

– Я буду готовить, – пообещал он. – Ты у нас можешь хорошо только воду варить, верно? – и он выразительно хохотнул. Я сделала вид, что обижена, но на самом деле меня его готовность готовить (каламбур?) очень порадовала. Нам такие люди сотнями нужны, так-то. Тем более что Тимка реально умеет кашеварить. Такую картошку, как у него в сервисе, я не пробовала даже в доме родном. Хотя это как раз не пример. В доме родном картошку нам подавали в основном в виде пюре, разведенного из какого-нибудь химического пакетика. Ну, ладно, согласна, после нашего детства любая настоящая картошка, пожаренная на настоящей сковороде в настоящем масле, может показаться настоящим деликатесом. В общем, Тимке я была рада. Чего не сказать об Олечке, моей младшей сестре, которая тоже неожиданно решила осчастливить своим присутствием меня, а не какую-нибудь разбитную алкоголическую богемную тусовку, с коей она так близка.

– Я буду у тебя до трех как минимум, – сообщила она без излишних предисловий, появившись на моем пороге в норковой шубе до пола, в сапогах на десятисантиметровой шпильке и под руку с безмянным тощим молодым человеком, увешанным пакетами. – Потом уеду на фуршет. А его я заберу позже.

– Что? – вытаращилась я, но Олечка уже исчезла, махнув полой норковой шубки и не дожидаясь моих вопросов

и воплей. И уж тем более моего там какого-то нелепого приглашения или хотя бы согласия.

– Куда ставить? – прохрипел загибающийся от тяжести задохлик, который на поверку оказался новым парнем моей сестрички, Женечкой.

– А что это? – нахмурилась я.

– Это – икра. И клубника.

– Зачем? – изумилась я.

– Для Нового года. А в машине еще коробки, – пожаловался Женечка и побежал вниз. Я с любопытством выглянула в окно и увидела душераздирающую картину, как моя девятнадцатилетняя сестренка Олечка выкидывает из багажника красивого внедорожника несколько весьма увесистых коробок, прямо на дорогу, к ногам несчастного Женечки, а потом садится в машину, разворачивается прямо перед его носом и уезжает вдаль. Скорее всего, на внедорожнике, принадлежащем ему самому. А Женечка стоит посреди коробок и выглядит, как потерянная собака.

– Вы оттащите их на тротуар, я сейчас вам помогу! – крикнула я, чтобы хоть немного поддержать несчастного мальчика, которому не повезло попасть на глаза нашей Олечке. Нет, поймите меня правильно, я люблю сестру. Не так сильно, как я ее боюсь, но все-таки люблю. Она младше меня на двенадцать лет, но как только она появилась в моей жизни и принялась командовать мной и всеми вокруг, я поняла – Олечка, она как ураган, ее надо бы было назвать Катрина. Она все-

гда получала все, что хотела, и умудрялась проигнорировать все остальное. Борьба с ней было невозможно. Педагогика была к ней неприменима. Она училась на одни пятерки, выигрывала олимпиады и читала запоем все, до чего дотягивалась. Как прикажете воспитывать такого вот ребенка? Сейчас она училась в консерватории, на отделении фортепьянной музыки, причем поступила туда сама, на бюджет, вызвав изумление и восторг у всего тамошнего преподавательского состава. Потому что она так хотела.

– Мне не тяжело, – мужественно врал Женечка, затаскивая коробки с дорогим шампанским, красным вином и еще чем-то явно жутко дорогим и изысканным по нашей узкой лестнице на третий этаж нашей никогда в жизни не имевшей шансов на лифт восьмиэтажки.

– Значит, вы Олечкин молодой человек? – осторожно спросила я, когда мы перетащили все и сели на кухне пить чай. Мальчик был хороший, безропотно кушал мой (!!!) борщик, отвечал на все вопросы и дико озирался. Да, Олечку он очень любит. Еще бы, как ее не любить. Красивая, как океан, глаза голубые, волосы длинные. Своенравная и неповторимая. Да, продолжил объяснять он, кажется (так и сказал, что кажется), он – ее молодой человек. Хотя до конца он пока не понял.

– Наверняка, раз она с вами решила справлять Новый год, – заверила его я.

– Думаете? – он посмотрел на меня с надеждой. – Она

пока мне не сказала...

– Уверена, – я кивнула, а он, было видно, места себе не находил, пока Олечка (часа через три) не вернулась за ним на его же, действительно, джипе. Так получилось, что Олечка захотела без каких-либо объяснений справлять Новый год у меня. И уж если моей Олечке хочется, как я уже сказала, она это получает всегда.

– Значит, пятеро? – подытожил Тимка.

– Ну, да, – кивнула я.

А потом я пошла к Карасику попить чайку-кофейку, потому что так ее и не видела со вторника, а поговорить нам, как вы понимаете, было о чем. Мы договорились, что я заберу детей из сада, наши дети – моя Элька, ее Вовочка и Люськина-Авенгина Кристина, все ходят в один и тот же садик. Поэтому мы практикуем своеобразный бартер, ты мне – я тебе, забирая и отводя детей по очереди. Правда, Авенга не так уж часто участвует в этом, больше пользуется нашим безвыходным положением и подсовывает нам Крестю. Но на то она и Авенга, хитрая ведьма. Мы боимся ей отказать, еще сглазит. Шучу, просто так уж сложилось. Тем более что Эля с Кристиной хорошо дружит, а с Вовочкой только дерутся и обзываются. А еще кидаются едой. И рвут обои. И вообще, мальчик – это совсем не то, что девочки. Девочки сидят, красятся маминой старой помадой и счастливы. Мальчику же подавай пилу, молоток, гвозди, противогаз. Вот уж нет!

В общем, в последний рабочий день, вернее, вечер я за-

брала Вовочку и Эльку, которые, к моему прискорбию, попались сразу, как только я запихнула их в «Опель». Иногда я жалею, что у меня нет, как у нью-йоркских таксистов, звуко- и пуленепроницаемой перегородки между водителем и пассажирским рядами. Вот бы было славно, если бы покрыть броней, ватой и силиконом заднее сиденье, отгородить его от переднего и кидать туда детей, не боясь, что они порежут и порвут все на мелкие кусочки. И чтобы не слышать их криков. И не орать на них в ответ, чувствуя, что Макаренко тебе в этот момент просто плюнул бы в лицо.

– Заткнитесь! Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь оба! Я все расскажу Деду Морозу! Не видать вам подарков, а Новый год уже на носу! Будете, как два полудурка, без подарков.

– Нет! Не-ет! – завизжала Элька и тут же от избытка чувств и от такой обиды стукнула Вовочку кулаком в нос. Дальше и до самого дома они выли оба. Когда я поднялась на восьмой этаж на лифте, силы мои были почти на исходе. Я уже не хотела чаю и кофе. Разве что с коньяком. И плевать, что я за рулем. Мне проехать-то всего пару домов. Но тут Сашка открыла мне дверь, и все мое раздражение осыпалось и исчезло, как развеянная ветром пыль.

– Ну, ты что! – ахнула я, увидев, что по Карасикову лицу текут ручейки слез, а глаза ее красные и мокрые, как после целой ночи рыданий. – Ну что ты, не надо.

– Да это не то, – всхлипнула она и попыталась стереть слезу.

– Слушай, не стоит он того. Не надо плакать.

– Да я не плачу, – помотала она головой.

– Я уж вижу. Ну, хочешь, я попрошу Тимку ему морду набить?

– Не надо, – замотала головой она.

– Уверена?

– Слушай, а что ты делаешь на Новый год? – спросила Карасик, глядя на меня полными слез глазами.

– Я-то дома, – удивилась я ее интересу. – Тимка придет. Ольга на новой метле и с новым молодым человеком. Уже привезла продуктов на дивизию, так что, может, приведет к нам всю консерваторию. Кто ее знает, что у нее на уме. Тимка обещал готовить, а у меня три сумки клубники на кухне. Прямо весна.

– Можно, я к тебе тоже приду? Не хочу дома одна сидеть, – вдруг попросила она.

Я замешкалась. Нет, я Сашку очень, очень люблю. Но... у нее дети. У нее их двое. Вовик дергает Элю за жидкие косы, а старший – одиннадцатилетний Серега, рожденный в предыдущем браке, так любит карате, что все время практикует его на младшем брате. И когда Карасик попросилась ко мне, я вдруг сразу живо представила, как Вовочка будет бить Эльку, а Серега Вовочку. А ведь как Новый год проведешь, так его и проживешь. Поэтому моя запинка вполне объяснима. Меня можно понять. А если еще и Ольгу сюда прибавить, вообще красота. Она побьет всех детей сразу, а потом вы-

кинет их в окошко, чтобы не мешали. Поэтому я аккуратно спросила:

– А что, Марлена тебя не пригласила? – ведь мы об этом говорили, и Марлена совершенно определенно пообещала взять этот вопрос на себя. Понятное дело, если тебя бросил муж, тебе не захочется быть одной на праздники. Правда, когда меня бросил мой не совсем даже муж, а отец Эльки, я только перекрестилась. Пашка был массажистом (кстати, какое совпадение, Сухих тоже, что бросает тень на массажистов вообще), но деньги от массажей растекались по отделу крепкого алкоголя. К тому моменту, когда я рожала, Пашка вдруг неожиданно пристрастился играть в автоматы. Так что денег до меня не доходило вообще. В итоге, когда он угрозил, что уйдет от меня, если я не профинансирую его реванш, я с чистой совестью отпустила его на все четыре стороны. И на всякий случай поменяла замки. В общем, я по мужу так не плакала, как Карасик. У Карасика в глазах реально стояла мокрая пелена. Очень переживала.

– Пригласила. Но я не пойду к ней.

– Почему? – изумилась я.

– Не пойду, и все, – упрямо повторила Сашка. Я просто не знала, что и сказать. Трудно было даже представить, чтобы вот меня пригласили провести ночь в доме Ольховских, а я бы отказалась. Чтобы меня посадили за огромный, покрытый белоснежной скатертью стол, чтобы кормили вкусно, поили хорошим вином, играли в УНО, жгли фейерверки

– а я бы не пошла, и все. Отдельная комната, идеально чистая к тому же. Марлена, красивая, умная, гостеприимная, большой плазменный телевизор, в котором президент такого размера, словно он поздравляет лично тебя, стоя посреди твоей гостиной. А она – просто не пойдет. И все. Я этого, честно, не поняла.

– Ну, давай ко мне. Если не боишься, – неуверенно проворчала я. А что мне оставалось делать? Сказать, чтобы заодно принесла наручники для обоих своих сыновей? Подруги так не поступают.

– Ты уверена? Я бы не хотела тебя стеснять. А что это Тимофей будет у тебя Новый год встречать? У вас что, роман?

– Какой роман, – рассмеялась я. – Только чай гоняем. Тут у меня прямой интерес. Я ему – чай, он мне – машину.

– Так я приду? – снова жалобно спросила Карасик.

Сейчас я думаю, что, конечно, ее слезы сделали свое дело. Не только же мужики реагируют на плачущих женщин. Подругу бросил муж, подруга плачет.

– Конечно, приходи. Какие вопросы. Если ты, конечно, уверена, что не предпочтешь мне Марлену. Я бы, честно, даже не задумывалась, – я хихикнула и покосилась на одетую в шубу Эльку, в изнеможении сидящую на тумбочке в прихожей.

– Спасибо. Спасибо огромное. А то прямо устала я, как не знаю кто. Глаза болят.

– Так ты не плачь. Они того не стоят, честное слово, –

сказала я. И вот тут Карасик с удивлением подняла на меня красные глаза и поморщилась.

– Я не плачу. Мне Бася дала на перепечатку отчеты по трем программам, для подработки. Я тут в бумагах закопалась, ужас. Вот, капаю чистую слезу, а то скоро радужка вообще засохнет.

– Ах, капаешь... – протянула я, панически пытаюсь придумать повод отыграть все в обратку.

– Кстати, суперское средство. Особенно для тех, кто за компьютером много сидит. Надо капать каждый час. Хочешь, я тебе дам, попробуешь?

– Когда нас компьютеризируют, тогда и дашь, – против воли злобно ответила я. Надо ж, кругом обман.

– А говорили, врачи все теперь с компьютерами.

– Это да, – согласилась я. – Только они не работают. Стоят ящики, только мешают. Даже в сеть их еще ни разу не включали. Так что, ждать тебя на Новый год? Имей в виду, у нас что потопаешь, то и полопаешь. В смысле, хочешь быть сытой – носи еду с собой.

– Я сделаю мимозу. И холодец.

– Это хорошо, – немного оттаяла я. Тусовка предполагалась просто замечательная: я, Тимофей, Эля, моя сумасшедшая сестра со своим молодым тощим мажором на джипе, Карасик с двумя драчливыми сыновьями. Хоть это-то все? Оказалось, что нет. Уже в день самого торжества, а точнее, ближе к вечеру, нежданно-негаданно на пороге моего дома в то-

еньких ботиночках и ветровке, трезвый, но недовольный, образовался Пашка. На мои вопросы, чего ему тут надо, он хмуρο отвечал, что хотел только поздравить дочь с праздником и тут же уйти.

– Уйдешь? – усомнилась я.

– Уйду, – кивнул он и с надеждой посмотрел в глубь квартиры. Конечно же, расчет его оправдался. Из глубины помещения выскочила Элька, которой почему-то всегда было плевать, что папочка не живет с ней, не дарит подарков, не звонит и вообще никак не проявляется неделями. Она любила его со всей страстью наивной детской души. И когда он сказал ей с хорошо отрепетированной интонацией, что он бы остался, но ему надо идти, а то мамочка будет злиться, она тут же принялась оттаптывать мне ноги, пытаюсь уговорить меня не выгонять папу.

– Ну и черт с вами, оставайтесь. Даст бог, Ольга приедет пораньше, и ты сам испаришься, как привидение. – Ольгу Пашка боялся. Она подходила к нему, смотрела несколько минут, потом говорила что-то вроде: «Ну и чмо, поверить трудно, какое чмо». После такого любой бы испарился. В общем, в моем негостеприимном доме, пустом и не наполненном едой, образовалось разом не то что общество, а вообще целая тусовка, которая едва поместилась в малогабаритной неотремонтрованной двушке со смежными к тому же комнатами. Естественно, все это не могло закончиться просто так. Кто бы еще мог на это рассчитывать!

Глава 4, в которой Новый год наступает на нас

Дети разрушительны. Это больше, чем просто утверждение. Это – неоспоримый факт. Дети – ходячая катастрофа. Что там ходячая. Бегущая, несущаяся, скачущая, орущая, визжащая катастрофа. Хорошо становится только тогда, когда вся эта кричащая орава должна идти спать. Что в Новый год может наступить либо очень поздно, либо никогда. В нашем случае этот славный миг так и не настал.

Вообще, я все понимаю. У Карасика личная драма, Карасик на взводе, ее внутренний мир уязвлен и изранен, так что ее лучше не трогать, посадить на диван и обмахивать веером. Но кто сказал, что я должна следить за парочкой ее сорванцов – сыновей, способных разрушить все на своем пути. Нет, никто не сказал, а если бы сказал, я бы плюнула ему в бесстыжие глаза. Мне и своих проблем хватает. У меня кран на кухне не работает, у меня провода торчат наружу, потому что Тимка вот уже год как собирается починить перегоревшую часть проводки, но пока только расковырял плинтус. У меня, в конце концов, своя Элька – я за ней уследить не успеваю. А тут еще Вовочка. И Серега. Потные, в дурацких белых рубашках, с галстуками – готовые к бою. Первое, что

сделал Серега, – это просветил Элю на предмет Деда Мороза, паршивец.

– Серега, заткнись. Сашка, ну, скажи же ему! – взвизгнула я, когда услышала краем уха обрывок фразы «это твоя мама все покупает, чтобы ты не ревела. А так никого нет».

– А что, тетя Галя, разве не так? – возмутился Серега, делая невинные глаза.

– Не так! – изобразила уверенность я. – Дед Мороз существует. Только он не ко всем прилетает. К плохим мальчишкам, которые шалят и расстраивают маленьких девочек, не прилетит ни за что. И не будет подарков!

– Будут! – вытаращился Серега. – Мама уже все купила. Ей папа деньги давал!

– Нет, не будет подарков! – настояла я, в отчаянии глядя на Карасика. – Если ты немедленно не извинишься.

– Не буду я извиняться, – фыркнул он и убежал. Карасик сидела в полнейшей прострации и смотрела, как Тимка наливает ей водку в стакан.

– Ну а ты что молчишь, – я всплеснула руками, вырвала стакан из цепких Карасиковых рук и опрокинула его себе в рот. – Трудно, что ли, вставить пару ласковых? Он же мне так все детство у Эльки украдет? И потом, Тимка уже достал костюм Деда Мороза, чтобы подарок дарить. Зря, что ли? Ты бы провела воспитательную работу!

– Да ладно, Гальчик. Все равно чуда не существует, и чем раньше Элька это поймет тем лучше, – пессимистично вы-

сказалась Карасик, с грустью проводив глазами пролетевший мимо нее стакан.

– Что за шум, а драки нету? – забрел в кухню мой бывший несостоявшийся муж. – Наливаете? А я тут как тут.

– И ты тут! – вздохнула я и пошла дальше резать салаты. Станный, кстати, у нас получился стол. Мой фирменный салат оливье – крупные куски картошки и огурцов с колбасой (кровавый соус из порезанных пальцев прилагается), Ольгины клубника, вонючие сыры с печеньем и красная икра в каких-то просто неприличных и даже (заявляю как врач) аллергенных количествах, Пашкины (от белорусской мамы) маринованные баклажаны и Тимкин запеченный индюк, принесенный из дома в кастрюльке. Праздновать начали по Владивостоку, где-то с пяти. Ольга приехала часам к десяти, да не с одним, а сразу с двумя молодыми людьми. На вопрос, зачем еще один товарищ, ответила загадочно:

– Вдруг кому понадобится. Взяла про запас, – да уж у кого-кого, а у моей сестры проблем с лишним молодым человеком никогда не было. Почему они слушаются ее, тайна за семью печатями. Впрочем, мою сестру все и всегда слушаются. Наши родители, учителя в школе, теперь в консерватории. Мне кажется, если бы Ольга не избрала для себя творческого жизненного пути, то уже годам к двадцати пяти она стала бы президентом России. И все бы снова делали все, что она бы сказала.

– Ну, спасибо, – хмыкнула я в сторону диковато озираю-

щегося «запасного» товарища. – Проходите за стол.

– Уже жрете? – сурово кивнула Ольга. По ее собственному признанию, она всю жизнь смотрела на меня как на учителя. Нет, не совсем так. Не как на учителя, а как на наглядное пособие. И делала все наоборот. Училась как проклятая, чтобы делать то, что хочет, а не идти после школы в мед, где у папы знакомые. Не ела после шести. Не ела плюшек, потому что видела, что может случиться с ней, если она их будет есть.

– Только нюхаем, – заверила ее я. Ольга вошла в комнату, и все как-то сразу замерли. Замолчали, вытянулись, выпрямили спины (даже мой бывший несостоявшийся) и прекратили материться и гоготать.

– Добрый вечер гулящей общественности, – сказала Ольга так, что все поняли – отдана команда «вольно». Ольга щелкнула пальцами, и первый молодой человек моментально подал ей шампанского и клубники на белоснежной тарелочке. Где он ее, кстати, раздобыл в моем доме? Впрочем, не исключаю того, что он принес ее с собой в кожаном портфельчике.

– Тост! – радостно гроыхнул Пашка. – Желаю всем полноты... – тут он, видимо, запнулся, потому что забыл, какой именно полноты он желает. Повисла забавная пауза.

– Оригинально, – хмыкнула Ольга. – Полноты мне еще никто не желал.

– Извиняюсь. Будем! – выдавил из себя покрасневший Пашка. Позже он сидел, пьяненький и совершенно счастли-

вый, смотрел на меня, на Эльку и, не имея никаких на нас претензий, умильно бормотал:

– Девочки мои! Девочки! – И жмурился на свет от фонаря, которым ему светили в глаза неумные Карасиковы дети. Тимофей хихикнул, подмигнул мне, и мы чокнулись рюмками. Карасик же ни с кем не чокалась. Просто выпила согласно отданной команде. В общем, рулила Ольга. Она решала, когда следует обновить закуски, а когда следует налить. В какой-то момент она скомандовала моему бывшему несостоявшемуся Пашке:

– Хватит пить. Давай-ка лучше посуду помой. Что-то все грязное, – и он пошел. Я остолбенела, когда увидела, как мой подвыпивший горемыка пошел в ванну и склонился там над горами тарелок. Только не спрашивайте меня, почему в ванной. Говорила же, раковина сломана. А у Тимки никак руки не дойдут. Или ноги. Да и потом, я все-таки каждый раз испытываю некоторую неловкость, когда он что-то курочит в моем невероятно разваливающемся доме. Все-таки чужой человек, хоть и друг. Зачем ему это надо? Зачем это нужно мне?

За всей этой суетой, за разбитыми бокалами, пролитым на скатерть дорогушим Ольгиным шампанским, за поздравлениями президента, которые умный Серега скачал из Интернета задолго до прихода Нового года в наши московские широты, я так и не сумела выкроить время и поговорить с Карасиком по душам. Я видела, как ей плохо. Было понятно,

что она очень страдает. Дети, кажется, так и не поняли, куда делся их блудный отец. Они, кажется, думали, что он уехал в какую-то очередную командировку и скоро приедет. Вовочка часто звонил Стасу на мобильный и о чем-то с ним долго разговаривал, после чего Карасик разражалась новой порцией слез. А я крутилась, вылавливала из ванны тарелки, вылавливала с лестничной площадки Элю с Вовочкой, которые выбежали туда смотреть, как тетя Оля целуется. В общем, меня хватало только на то, чтобы ласково и поддерживающе улыбнуться, если мои глаза встречались с Карасиковыми. Но этого, конечно, недостаточно. Поэтому, когда куранты били свои магические двенадцать ударов у нас в Москве, я загадала три желания, как я это делаю обычно.

Первое желание: Чтобы все были живы-здоровы.

Второе желание: Чтобы мы с Элькой наконец-то попали в Диснейленд.

Третье желание: Чтобы Стас Дробин и стерва Сухих получили по заслугам.

Желания у меня были, в общем-то, переходящие, как знамя. Из года в год они не менялись, потому что, чтобы все были живы-здоровы, я действительно всегда очень хотела, и пока (тьфу-тьфу) это сбывалось. Чтобы попасть в Диснейленд – это у меня была такая идея фикс, уж не знаю почему. Марлена как-то рассказывала, как она была в одном из этих

парков, и подтвердила, что это – совсем не одно и то же, что у нас тут, в парках отдыха. Там есть еле уловимое чувство полета. Там можно хоть целый день летать с одной вершины дерева на другую, можно видеть на много километров вперед, можно даже простудиться от ветра, который продувает тебя на высоте. Я хотела этого. Я представляла себя летящей ввысь и падающей вниз, хохочущей, как ребенок. Но это желание пока что не сбылось. Да и не было особых шансов, чтобы оно сбылось. Не на зарплату врача в поликлинике, выписывающего с утра до вечера таблетки и выдерживающего натиск больных старушек, которые в борьбе за здоровье могут половину поликлиники разнести в щепки.

Третье желание тоже обычно было: встретить принца на белом коне. Я писала его больше для проформы, так как не особенно верила в принцев. Впрочем, знакомство с Марленой заставило меня во многом пересмотреть свои стандарты. Иван Ольховский был, конечно, мечтой поэта, точнее поэтессы. Симпатичный, молодой, без вредных привычек драться или надираться до полусмерти по выходным, владелец собственной сети каких-то интернет-порталов. Не жалеет денег на жену, что уже делает его практически святым. В то время как Карасиков Стас выпиливал ей по кусочку мозга за каждое купленное платье, а Авенгин странный муж с татуировками на фалангах пальцев вообще частенько забирал у нее честно заработанные гаданием и шарлатанством деньги, Иван Ольховский спокойно оплачивал жене

СПА-поездки в Турцию и выдавал ежегодные суммы на обновление гардероба. Так что принцы существуют, ничего не скажешь. Так что я писала желание, хоть и не верила в него до конца. Теперь, когда передо мной встал вопрос, каким из желаний пожертвовать ради Карасикова счастья и благополучия, я без промедления выкинула из списка последнее. Без принца я еще годик перекантуюсь, а вот без Диснейленда – нет, отказываюсь. Хочу летать.

– Галь, ты что такая загадочная? – спросил меня Тимофей, глядя на меня из-под бороды и шапки Деда Мороза. – Не подавилась? По спине не постучать?

– С Новым годом! – кричали все вокруг. Телефон раскалился от обилия желающих поздравить нас или быть поздравленными. Звонила Марлена, кричала что-то про «светлое будущее» для всех, кроме Сухих. Звала в гости второго числа.

– Первого не могу, мы тут явно не сможем встать. У нас еще два ящика виски! – радостно поделилась она.

– Давай подарки! – кричали Сашкины дети, пытаясь сорвать с Тимофея камуфляж. Эля стояла и смотрела на Тимку с таким задумчивым видом, что я усомнилась, что в следующем году мне удастся ее снова как-то убедить в существовании волшебника с белой бородой.

– А кто прочитает стишок? – попытался кокетничать Тимка.

– А кому я могу и бороду подпалить? – спросил в ответ

Сергея, размахивая горящим бенгальским огнем. Тогда вмешалась Ольга, выстроила детей по росту и, кажется, по цвету волос, велела читать стихи и петь песни. Тимка еле дождался конца всей этой самодеятельности. А вот у Пашки никаких проблем не было. К моменту наступления Нового года он уже мирно спал на кресле в углу, убаюканный достаточным количеством алкоголя. И что самое обидное, его пьяный умиротворенный вид ничуть не раздражал Эльку. Я лично видела, как она стояла рядом с ним и гладила его по волосам. Вот что у детей в голове, мне скажите? В общем, Новый год удался. Мы даже ходили запускать фейерверк, но тут с нами случился конфуз.

Фейерверк у нас был один – большой, стоил, как три бака бензина для моей колымаги. Мы на него сильно рассчитывали. Он должен был всех поразить, должен был разукрасить небо какими-то мерцающими звездами и сиянием, бла-бла-бла. Нет, ничего не хочу сказать. Он сработал. Мы запускали его с детской площадки около моего дома, но даже тут нам пришлось минут двадцать ждать, чтобы освободилось более-менее пристойное место для нашего салюта. И пока мы ждали, поняли, насколько бледно смотримся на фоне остальных цветов и фонтанов огня, зажигающихся в небе.

– Ма-ам, а класиво! Класиво! – радовалась Элька, глядя на чужие фейерверки. А при залпах одного, в виде букета из огней и переливов, она начала скакать, хлопать в ладоши и визжать от восторга.

– Подожди, Элочка, сейчас и мы запустим свой, – заверил Тимка.

– Пожалуйста, – вежливо кивнули нам отстрелявшиеся отдыхающие, с недоумением и скепсисом глядя на нашу одну-единственную коробочку.

– Бахни, бахни, давай! – кричали Серега и Вовочка хором. Потом наша коробочка за три бака жидко бахнула, невысоко взлетела и немножечко поискрилась.

– И все-о?! – возмутилась Элька. А потом вдруг как-то насупилась и крикнула, показав пальцем на уходивших со двора прошлых «зажигающих». – Пусть лучше опять они, мам!

– Тише, Эля. Сейчас будут еще и другие, – шепнула я, и потом, честно растратив собственный скудный запас, мы еще целый час наслаждались тем, как роскошно, с выдумкой, а главное, исключительно дорого выкидывает в небо собственные деньги весь наш район. Тимка даже подошел ко мне и в какой-то особенно запоминающийся момент сказал:

– Эти вот звезды тысяч десять за один залп стоят, я знаю, я видел. Ужас, такие деньжищи!

– Хорошо, что не наши. Теперь я всегда буду просто ходить и смотреть, потому что мне в моей поликлинике на это не заработать, – хмыкнула я. Тимка подхватил Эльку на руки и помог ей рассмотреть салюты, загоравшиеся на горизонте. Он смеялся, и я подумала в который раз, что Тимка вообще-то классный. Особенно когда смеется. Сколько ему, ин-

тересно? Лет сорок? Может, даже меньше. Почему вот, скажите, такой хороший мужик и не женат. Впрочем, после его бывшей жены любой поостережется – будет дуть на воду.

Только к утру, изрядно пьяные и помятые, мы уложили спать всех ополоумевших детей, Тимка отправился домой выгуливать Каштана. Пашка спал в пьяном бреду, выбрав почему-то местом своей дислокации на сей раз ванну. Он свернулся в ней клубочком, лишив нас тем самым возможности помыть посуду. Так мы с Сашкой остались вдвоем на моей маленькой кухне с бутылкой «Бейлиса» на двоих – наконец-то все, как мы любим. И немного шоколадных конфет сверх того.

– Ты как? – спросила я, потому что такой молчаливой, такой подавленной я Сашку, кажется, вообще никогда не видела. – Как справляешься?

– Не знаю. Мне кажется, не очень, – голос звучал глухо, словно ей тяжело шевелить языком. Хотя это-то как раз не странно. После всего выпитого-съеденного.

– Ну, ты держись, – что может быть банальнее этого? С другой стороны, а что можно сказать в такой ситуации?

– Слушай, у тебя нет ничего покурить? – неожиданно спросила она. Вообще-то она не курит. Но, может, сейчас ей просто так тяжело?

– Я могу пойти обыскать Пашку.

– Ладно, не надо. Просто не знаю, куда себя девать.

– Да плюнь ты на всех. И вообще, мужики не стоят наших

слез. Ничто не стоит, пока все живы-здоровы.

– Да я плюнула. Я, знаешь, его вообще уже, наверное, давно ненавидела. Просто так странно все. Гальчик, я же привыкла. И к перебранкам нашим, и к вопросам о деньгах, и к тому, чтобы готовить. И к храпу даже, оказывается, привыкла. Бесилась, ты не представляешь как, что он храпит. А вот теперь не могу заснуть.

– Нет, но как он мог! С твоей же подругой. Это же просто подлость! Ладно, я понимаю, когда любовь. Когда с ума сходишь от всей этой гормональной свистопляски. Хотя и это понять сложно. Живешь же с человеком, дети у вас, да? И вот так, с подругой! Просто таких надо расстреливать. Верно? – бушевала я. А Карасик вдруг посмотрела на меня и расплакалась.

– Не могуууу! Муторно-то как, Галь! – выла она. Я подлила ей «Бейлиса», но она попросила водки.

– И она – сучка, Анька Сухих. Какая ж дрянь несусветная! Ты права, Караська, муть какая-то. Кошмар. Ведь на чужом несчастье своего счастья не построишь, все знают. Ей еще все это аукнется. Она еще наплачется. Он же и ей изменит. Да и вообще, что он к ней ушел – еще ничего не значит. Пришел, ушел, вернулся. Он просто сейчас натрахается по уши, наестся ее комиссарского тела – и все. Какая уж там любовь! Такие, как он, долго не задерживаются. А мы вообще пойдём и на нее накатаем жалобу. Вот такую, – я развела руками, но, по нетрезвости, не рассчитала и сбила в полете стоящую на

полке банку с гречневой крупой. Банка упала на стол, чуть не задев Карасика, открылась, гречка рассыпалась.

– Черт! – фыркнула она, стряхивая гречку с платья. – Зачем я только вырядилась. Надо было дома остаться.

– Да что ты? – вытаращилась я. – Как ты можешь такое говорить. И платье у тебя просто прелесть.

– Да ну! – Карасик неопределенно взмахнула рукой, движения ее были нетвердыми.

Платье, кстати, было фуфло. Говорю же, Стас – не Иван Ольховский. Из него денег на платье не вытрясешь. Да и на джинсы тоже. Вот поэтому Сашкино платье и было куплено в «Оджи», на распродаже, за сумму, эквивалентную бутылке средненького вина. Стопроцентный полиэстер, стеклярус на рукаве, странный, с «болотным» отливом, цвет. К тому же оно плохо сидело на бедрах, так как было тянущимся и тонким. Вот и обтянуло все, что не надо. Но не говорить же этого. Вот и получается – врешь, как Троцкий.

– Нет, правда. Я-то уже вообще платье не ношу, ни одного, кажется, не осталось. А ты – молодец. И вообще, ты держись (снова несу какую-то бредятину, что это за «держись», за что «держись»). Ты не должна страдать из-за него. Правильно сделала, что пришла. Чего бы тебе дома сидеть одной? Пусть лучше он рыдает.

– Правда? – вздохнула она.

Я кивнула. Конечно, лучше. Вопрос – кому. Мне-то, конечно... с моей малогабаритной квартиркой, лучше бы тихо

напроситься к кому-то в гости. Но – селяви. Так что я не стала вспоминать занавеску в ванной, которую Серега вырвал вместе с креплениями, палкой и дюбелями (опять просить Тимку что-то чинить). Да и то, что Вовочка прожег огромную черную дыру в моем столе бенгальскими огнями, – тоже не проблема. Стол все равно был старый. Дети же не специально. Хотя....

– Конечно, правда. И мне веселей. Потом, все равно же народу полно. А ты – ты должна жить полной жизнью, – успокаивала ее я. – Вот сейчас у меня посидим, а завтра, может, позвоним Марленке. Она нас на второе число звала. У нее, сто процентов, будет чего пожрать. А то у меня от клубники уже оскомина. Индюка съели, одна икра осталась и клубника. Кстати, Авенга обещала заехать. Она, правда, в какой-то Баськиной программе участвует, они будут снимать все каникулы, пока пробок нет. Но мы к ним потом можем заскочить. – Я бормотала что-то себе под нос, не придавая никакого значения своим словам. Как вдруг перевела взгляд на Карасика и немедленно замолчала. Ее лицо было перекошено от чего-то... то ли страха, то ли ненависти.

– Нет! – неожиданно громко сказала она. И посмотрела на меня глазами больной собаки. Скорее даже бешеной.

– Ты чего? Совсем допилась? Чего орешь?

– Не хочу я к Марлене. И не пойду.

– Ну... не надо. А почему?

– По кочану, – резко бросила мне Карасик и замолчала.

ла. Нахохлилась, сидела, пила «Бейлис», заталкивая с каждым глотком в себя по шоколадной конфете, запасы которых, увы, были не безграничны. В общем, вела себя странно. Внезапно меня осенило.

– Ты что, стесняешься? Кого – девочек? Да ты что, Карась, с ума сошла?

– Никого я не стесняюсь, – пробормотала она, но лицо ее покраснело. Она тяжело задышала.

Я подумала – какая же я дура. Причем бесчувственная дура. Ведь это очевидно! Она просто не хочет встречаться сейчас со своими счастливыми замужними подружками. Как бы ни было неприятно это признавать, а я – идеальный кандидат для общения с человеком, которого только что бросил муж. Марлена – замужем, Авенга тоже. Пусть и за каким-то очень странным (я бы даже сказала, мутным и криминальным) типом, но все-таки замужем. Бася – не замужем, но Басе это и не надо. У нее венец безбрачия, она у нас – старая дева легкого поведения, и мужчины у нее никогда на самом деле не переводятся. Остаюсь я – незамужняя, умудрившаяся родить дочь от полного ничтожества, которое сейчас спит у меня в ванной, хотя мы и разошлись сто лет назад. То есть я даже не способна достаточно себя уважать, чтобы не пускать это самое ничтожество на порог. С мужчинами не знаколюсь, только с Тимкой дружу. Да и то только потому, что мы с ним оба – такие вот обломки гранаты, валяющиеся по обочинам жизни уже после проигранного генерального сра-

жения. Я – лузер любви. Конечно, со мной общаться легко и приятно.

– Ты брось. Это ж девочки. Мы же все тебя любим. Мы все тебя поддержим. Марлена тебе испечет торт, она обещала. А я с тобой поеду. Ты пойми, она же обидится.

– Я... пока не готова. Гальчик, не могу. Давай у тебя посидим. Знаешь, мне так трудно. Хожу по дому – места себе не нахожу. Хочу ему даже позвонить, накричать или, наоборот, разрыдаться, чтобы пожалел. Ну, не хотела я такого, чтобы он и я – как чужие. Понимаешь ты? Не хотела!

– Я понимаю, да. Ты не переживай. Конечно, ты не хотела. Конечно. Кто может такое хотеть?

– А Марлена... Ты не понимаешь. Она – уж слишком. Это просто невозможно, вот так жить. В накрахмаленном воротничке. С белыми носочками по идеально чистому полу. Я просто не могу больше этого видеть. У нее просто комплекс перфекционистки, ей нужно, чтобы все вокруг было – как из пряничного царства. А так не бывает. Мы все – живые люди, понимаешь?

– Не понимаю, – честно ответила я. – Нельзя осуждать человека только за то, что у него чистые полы.

– Я ее и не осуждаю. Она – совершенство. Мисс Мэри Поппинс, вышедшая замуж за мистера Бэнкса. За что мне ее-то осуждать! Мне-то достался Стас! И вся вот эта жизнь. Никаких цветов в вазах, никаких перевязанных лентой подарков на Восьмое марта. Вид на гаражи из окна. Гальчик, на-

лей еще...

– Все пройдет. Ты только не волнуйся, все пройдет.

– Обещаешь? – криво усмехнулась Сашка Карасик и выпила, не чокаясь, как есть. И доела последнюю конфету.

Глава 5, в которой мы решаем поистине шекспировский вопрос

Я обещала как-нибудь рассказать, как мы занимаемся фитнесом. Здоровый образ жизни – это наше все. Особенно если учесть, насколько загазованная наша современная жизнь. Так что вопрос оздоровления встал довольно-таки остро и довольно давно. Правда, поначалу мы решали его по-своему. Мы – это я с Карасиком и Авенга, то есть наша троица. Мы же вообще-то познакомились на почве беременности, случившейся с нами практически одновременно. Видимо, действительно есть у женщин какой-то свой внутренний график схождения с ума, и мы в соответствии с ним падаем в руки избранников примерно в одни и те же периоды времени, сезоны и лунные месяцы. Правда, к сожалению, эта самая внутренняя женская суть бросает нас в руки самых разных мужчин. И не всегда стоило падать так бездумно в эти объятия. Карасик упала в руки Дробина, что было относительно удачно – он ведь на ней женился, причем взял ее вместе с сыном. Впрочем, Сашка – красивая. Полноватая, но именно такая, о какой мечтают все мужики.

Странно, кстати, насколько женские вкусы отличаются от мужских. Вот спроси меня, кто на свете всех милее, всех пре-

красней и белее. Тут же скажу:

– Сухих.

– Что? – нахмурятся все, так что я сразу поправлюсь. Сухих я не одобряю внутренне. В смысле, нравственно – тут я ее презираю и готова бросаться в нее камнями и палками. Но внешне... Высокая, накачанная, загар в любое время года, так как работает в фитнес-клубе и может себе позволить заскакивать в солярий перед уходом домой. Крашенный пепельный блонд, безусловно, вызывает зависть. А ленивая нега тренированного тела? А умение держаться, стертоточинка в глазах? Ярко-красная помада и мини-юбки ей действительно идут. Но на таких не женятся. С такими не встречаются. В большинстве своем мужики только смотрят таким вслед, истекая слюной. Но спросишь их – что же ты, иди, вперед. Скажет:

– Нет! Ну уж не надо нам этих стерв. Она же порвет и выкинет! – и бегом к Карасику.

Нежный овал лица, голубые глаза. Блондинка, но натуральная, темно-пепельная. Выражение лица мирное и такое... про таких, как она, говорят – вот это и есть добрая женщина. Рост, на фоне которого любой – король и великан. Кстати, Стас тоже был невысоким. Интересно, как он чувствует себя рядом с Сухих? И вообще, что было у него в голове, когда он уходил к Сухих?

Сам Стас Дробин, как мне кажется, сомнительный подарок. Сухих сделала странный выбор. Так сильно хочет за-

муж? Так еще не факт, что Дробин разведется. Одно дело ходить у женщины по квартире в трусах, и совершенно другое – в загсе, в костюме и галстуке. Зарабатывает Стас, правда, неплохо – работает на Ольховского, всегда был его правой рукой, запасной печенью и т. п. Но в семейной жизни... Стас Дробин никогда не был джентльменом. Ни тебе знаков внимания, ни помощи по дому. С собственным сыном посидеть – целая проблема. С пятницы по понедельник – почти анабиоз. Извинения, обещания исправиться, вялая усталая похмельная ругань. К тому же он, скорее всего, и раньше погуливал. Я не хотела этого говорить Сашке, но он такой – ее муж. Он мог. Знаете, какой он? Бесформенный. Симпатичный, помятый, не слишком востребованный, не слишком потерянный – но в итоге никакой. Обычный. Скучный. Правда, бывает и хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.